Алексей
Исаев
1945
ПОСЛЕДНИЙ
КРУГ АДА
ФЛАГ НАД РЕЙХСТАГОМ
Перелом истории
1945

Алексей Исаев

1945. Последний круг ада. Флаг над Рейхстагом

«Яуза»

Исаев А. В.

1945. Последний круг ада. Флаг над Рейхстагом / А. В. Исаев — «Яуза»,

1945. Год Великой Победы. «Звездный час» советского народа. Дата величайшего триумфа в русской истории.Однако финал Великой Отечественной, ожесточенная Битва за Берлин, до сих пор остается одним из главных козырей антисоветской пропаганды – «либеральные» историки-ревизионисты продолжают твердить о «бездарном командовании» и «неоправданных потерях», о «кровавом лобовом штурме Зееловских высот» и «сгоревших в уличных боях танковых армиях», о «преступной поспешности» и «грызне военачальников», которые-де не жалели солдатских жизней, лишь бы первым доложить наверх о победе и приписать себе лавры «покорителя Берлина»… Данная книга опровергает все эти спекулятивные мифы, не оставляя от них камня на камне. В своем фундаментальном исследовании ведущий военный историк не только скрупулезно анализирует ход Битвы за Берлин, но и дает объективную оценку основным решениям и действиям сторон, неопровержимо доказывая, что Берлинская наступательная операция по праву считается одной из самых успешных и образцовых в истории.

© Исаев А. В.
© Яуза

Содержание

Пролог. Перемены на Западном фронте 5
Цейтнот 8
Кокон из танковых армий 14
Цейтнот II. Маленькая тайна Маршала Конева 20
Одерский фронт. Повторить Ржев! 27
Силы и средства I. Последняя надежда тысячелетнего рейха 40
Силы и средства II. Стальной кулак и воздушный молот 48
Силы и средства: 1-й Белорусский фронт 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Алексей Валерьевич Исаев
1945. Последний круг ада. Флаг над Рейхстагом

Пролог. Перемены на Западном фронте

Когда 31 января 1945 г. передовыми отрядами армий 1-го Белорусского фронта были захвачены плацдармы на Одере, разница между положением советских и англо-американских войск была огромной. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции только-только оправились от сильного удара, нанесенного им немецким наступлением в Арденнах. Передовые советские части стояли на Одере в 70 км от Берлина, а войска союзников находились в сотнях километров от него на западной границе Германии. Более того, наступление на «Линию Зигфрида» в районе Эйфеля, начатое 28 января силами 1-й и 3-й американских армий, через три дня было остановлено Эйзенхауэром. Продвижение вперед было непропорционально потерям. Это стало одной из причин того, что на Ялтинской конференции Берлин был отдан в советскую зону оккупации.

Однако в феврале и марте 1945 г., когда советские фронты на берлинском направлении переживали кризис на флангах, англо-американские войска провели ряд операций, приблизивших их к немецкой столице.

Первым шагом стало продвижение к Рейну, начавшееся 8 февраля 1945 г. с наступления 1-й канадской армии из района Неймегена. 23 февраля к наступлению присоединились 1-я американская армия Ходжеса и 9-я армия Симпсона. Две армии начали наступление с рубежа реки Рур навстречу канадцам. Общий замысел наступления союзников предусматривал окружение немецких войск на западном берегу Рейна. 3 марта американские и англо-канадские войска соединились у немецкого города Гельдерна. 7 марта с захватом железнодорожного моста через Рейн у Ремагена был образован первый плацдарм союзников на восточном берегу реки. Это был единственный мост через Рейн, доставшийся союзникам неповрежденным. Для уничтожения моста у Ремагена были привлечены все средства, начиная от традиционной артиллерии и экзотических подводных диверсантов и заканчивая «чудо-оружием». По мосту было выпущено 11 ракет «Фау-2», что было единственным применением ракет в тактических целях. Для уничтожения моста была сформирована специальная группировка, состоявшая из 8 бомбардировщиков «Арадо-234» (из 76-й бомбардировочной эскадры) и примерно 30 «Ме.262» из I группы 51-й бомбардировочной эскадры. Первый налет не привел к успеху, равно как и следующие 12. В конце концов бомбардировщику «Арадо-234» удалось повредить один мостовой пролет, но инженерные подразделения американцев быстро его исправили. Но в конце концов сильно поврежденный мост рухнул сам по себе, от близкого разрыва тяжелого снаряда. Однако к тому моменту американцы переправили на плацдарм пять дивизий, и разрушение моста запоздало.

Далее немецкое командование попало в типичную для стороны, вынужденной вести пассивную оборону, ловушку. Командующий группой армий «Б» Модель считал, что американцы начнут прорыв с северного фаса плацдарма у Ремагена с целью обеспечить форсирование Рейна своим соседям. Командующий оборонявшейся по периметру плацдарма 15-й немецкой армией фон Цанген считал более вероятным направлением удара центральную часть плацдарма. Однако последнее слово было за Моделем, и LIII корпус Байрлейна, в котором было сосредоточено большинство танков 15-й армии, занял оборону на северном фасе Ремагенского

плацдарма. Здесь на реке Зиг была создана наиболее прочная оборона. В центре оборонялся второй по силе LXXIV корпус, а южный фас плацдарма занимал самый слабый LXVII корпус.

Американские солдаты у башенок знаменитого «моста Людендорфа». Захват моста через Рейн у Ремагена не только облегчил союзникам наступление на восток, но и определил их стратегию

Вопреки ожиданиям Моделя удар был нанесен в центре Ремагенского плацдарма. Начавшаяся 25 марта операция американских войск под кодовым наименованием «Вояж» уже на следующий день привела к обвалу немецкой обороны. Танки и «Ягдтигры» корпуса Байрлейна были просто обойдены. Уже 29 марта танковая колонна 1-й американской армии, пройдя за день 70 км, оказалась в 25 км от Падеборна, глубоко в тылу войск группы армий «Б». После короткого, но кровопролитного сражения у Падеборна 1 апреля кольцо окружения вокруг немецкой группировки в Руре замкнулось. В гигантский «котел» попали около 370 тыс. человек. 28 марта Рур был объявлен «фестунгом», и вместо отступления на восток Модель решил его оборонять. В свою очередь, американское командование в лице Эйзенхауэра приняло решение сосредоточить усилия на периметре «котла», стремясь разбить окруженные войска противника. С этой целью 9-я американская армия была передана из состава 21-й группы армий Монтгомери в 12-ю группу армий Бредли.

Англичане были отнюдь не в восторге от принятых Эйзенхауэром решений. 1 апреля 1945 г. Черчилль пишет президенту Рузвельту:

«…Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они. Поэтому мое мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости»[1].

Однако умирающий Рузвельт (американский президент скончался 12 апреля) уже не мог повлиять на верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Запад-

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Книга 3. Тома 5–6. М.: Воениздат. 1991. С. 579.

ной Европе. Эйзенхауэр имел достаточные полномочия для проведения в жизнь принятых им решений. В своих воспоминаниях он впоследствии объяснял логику своих действий следующим образом: «Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин – символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников. Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием. Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач»[2].

Таким образом, со стороны американского командования имел место сознательный отказ от участия в битве за Берлин. После того как у Монтгомери отобрали 9-ю американскую армию, перспектива прорыва к немецкой столице англичан была тем более туманной. Впоследствии это решение Эйзенхауэра стало объектом резкой критики, т.к. вместо почетной миссии взятия Берлина американским солдатам пришлось вести бои с окруженными немецкими войсками. К 18 апреля рурский «котел» окончательно развалился. 21 апреля командующий группой армий «Б» Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством. Всего американскими войсками в Руре было взято в плен 317 тыс. человек – больше, чем в Сталинграде и в Эль-Аламейне, вместе взятых. Это стало некоторым утешением за ускользнувший из рук Берлин.

[2] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000. С. 448–449.

Цейтнот

Первые проработки плана наступления на Берлин, согласно мемуарам Г.К. Жукова, появились еще в ноябре 1944 г., когда 1-й Белорусский фронт стоял на Висле. В результате Висло-Одерской операции были захвачены плацдармы на Одере в 70 км от Берлина. В середине февраля 1945 г. армии фронта даже получили директивы на удары в направлении Берлина. К тому моменту войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов вклинились на территорию Германии до Одера, оставив на флангах крупные группировки противника в Восточной Померании (к северу от вбитого до Одера клина) и Силезии (на юге).

Однако вновь созданная немцами группа армий «Висла», усиленная свежесформированными и переброшенными с других участков фронта дивизиями, оказалась прочнее, чем представлялось поначалу. Февральское наступление 2-го Белорусского фронта К.К. Рокоссовского в Померании забуксовало, затем последовал контрудар немецкой 11-й армии из Померании во фланг войскам на берлинском направлении (операция «Солнцестояние»). Наступать на Берлин, отвлекая значительные силы на прикрытие флангов, было рискованно. Дело было не только в возможности контрударов противника, но и в недостаточном количестве войск, которые могли быть использованы для удара в направлении немецкой столицы. Половина общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта в феврале 1945 г. стояла фронтом на север, в сторону Балтийского моря, а не в сторону Берлина. Директивы на Берлинскую операцию пришлось положить под сукно.

Старая рейхсканцелярия. Балкон был пристроен по требованию Гитлера в первые годы его власти для общения с народом

Март 1945 г. был посвящен ликвидации фланговых угроз. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развернулись своими главными силами на север и юг соответственно. Последовал ряд ударов, в результате которых была очищена от противника Восточная Померания, нанесено поражение 3-й танковой и 2-й армиям группы армий «Висла». Также в марте нанесен ряд тяжелых поражений группе армий «Центр» в Верхней и Нижней Силезии. Главной ударной силой этих операций стали четыре танковые армии двух фронтов.

Однако о наступлении на Берлин не забывали. В то время как гремели бои в Померании, стоявшие на Одере армии 1-го Белорусского фронта занимались расширением захваченных плацдармов. Противником советских войск в этих боях стала немецкая 9-я армия, подчиненная группе армий «Висла». Ряд последовательных ударов принес успех. К концу марта 1945 г. в 60 км от Берлина был образован Кюстринский плацдарм, ширина и глубина которого поз-

воляли собрать на нем крупную ударную группировку для наступления на столицу Третьего рейха.

Обеспечив себя в марте крупным монолитным Кюстринским плацдармом, Г.К. Жуков не собирался останавливаться на достигнутом. На 3 апреля 1945 г. было назначено начало частной операции по объединению плацдармов 33-й и 69-й армий у Франкфурта-на-Одере. Ликвидацией фракфуртской группировки противника Жуков собирался обеспечить себе более широкое поле выбора направления главного удара. Приказ на наступление на Франкфурт был подписан 26 марта, а к 28 марта были разработаны два плана наступления на Берлин. Они получили наименование вариантов «А» и «Б». По плану «А» предполагалось наступать на немецкую столицу, сосредоточив главные силы фронта на Кюстринском плацдарме. По плану «Б» основная ударная группировка сосредотачивалась на плацдарме у Франкфурта-на-Одере, захват которого собирались начать 3 апреля. Вариант «Б» предусматривал сосредоточение на Франкфуртском плацдарме 8-й гвардейской, 69-й и 33-й общевойсковых армий. На Кюстринском плацдарме оставалась 5-я ударная армия, усиленная 11-м танковым корпусом. 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать в полосе 69-й армии, а 2-я гвардейская танковая армия – в полосе 8-й гвардейской армии. Тем самым главный удар войск 1-го Белорусского фронта должен был наноситься в обход трудного для наступления участка местности перед Кюстринским плацдармом – Зееловских высот. Даже само по себе образование второго крупного плацдарма рассеивало внимание противника. Немцам пришлось бы держать резервы на подступах к обоим плацдармам. Прорыв с одного из них означал перемалывание резервов немецкой 9-й армии по частям, сначала близлежащих, а потом спешно переброшенных с неатакованного периметра второго плацдарма.

С двумя вариантами плана операции, в прекрасном расположении духа, Г.К. Жуков отправился 29 марта в Москву на прием к И.В. Сталину. На тот момент у него были все основания считать, что время еще есть. Войска 2-го Белорусского фронта еще штурмовали Данциг и Гдыню, в Силезии в самом разгаре было наступление 1-го Украинского фронта. Скорого высвобождения войск Рокоссовского и Конева ожидать не приходилось, и судьба Франкфурта-на-Одере казалась уже решенной. Однако выбор варианта «А» или «Б» стал выбором политическим, а не военным. Крушение немецкого фронта на западе и не вполне очевидные планы союзников относительно Берлина побудили советское верховное командование не затягивать с наступлением на немецкую столицу.

В Москве командующего фронтом ждал сюрприз. Жуков вспоминал:

«29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

– Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

– Думаю, что драка предстоит серьезная…

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении»[3].

Что интересно, в своих мемуарах Георгий Константинович даже не стал вспоминать о двух вариантах операции. Впоследствии о втором плане наступления 1-го Белорусского фронта ходили самые фантастические легенды. Наиболее существенным недостатком варианта «Б» была потеря времени на объединение плацдармов 33-й и 69-й армий и разгром многочисленного гарнизона Франкфурта-на-Одере. В этих условиях выбор варианта «А» становился очевидным. Нужно также сказать, что корректировка мартовских планов вряд ли бы облегчила принятие решения о направлении наступления. Одновременно объединить Кюстринский плацдарм и захватить Франкфурт-на-Одере было бы проблематично.

Следующим шагом стало привлечение к Берлинской операции застрявшего в Верхней Силезии 1-го Украинского фронта. Жуков вспоминал:

«Обратившись к А.И. Антонову, Верховный сказал:

– Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом»[4].

Для командующего 1-м Украинским фронтом визит в Москву также стал неожиданностью, но неожиданностью приятной. И.С. Конев прибыл в Москву 31 марта 1945 г. Еще в феврале 1945 г. его войска начали наступление с прицелом на Дрезден. Тогда его пришлось остановить на рубеже Нейсе и развернуть в сторону флангов. Однако берлинское направление с точки зрения подготовки наступательных планов не было в новинку для Ивана Степановича. Теперь ему предстояло действовать куда ближе к Берлину, чем планировалось в феврале 1945 г.

[3] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 289–290.

[4] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 291.

СУ-76М где-то в Германии. САУ этого типа в 1945 г. были вторым по распространенности образцом бронетехники Красной армии после Т-34-85.

На следующий день после приезда Конева состоялось совещание с участием командующих двумя фронтами. Приглашать в Москву накрепко засевшего под Данцигом К.К. Рокоссовского было бессмысленно. С его поздним вступлением в борьбу за Берлин Верховный уже смирился. 1-й Украинский фронт вел наступление в Силезии в первую очередь за счет перегруппировки танковых армий. Свернуть операцию и перебросить две танковые армии, а также артиллерийские части на берлинское направление было проще.

Итогом работы в Москве стала выработка общего плана наступления на Берлин. Г.К. Жуков вспоминал: «1 апреля 1945 года Верховный Главнокомандующий заслушал доклад А.И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем – мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И.С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта»[5].

Результаты совещания были закреплены директивами Ставки командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на подготовку и проведение Берлинской операции. Они были подписаны 2 и 3 апреля соответственно.

Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-м Белорусским фронтом не оставляла сомнений относительно выбора варианта плана операции: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырех общевойсковых армий и двух танковых армий»[6]. Гарнизон Франкфурта-на-Одере получил отсрочку от смерти, но ненадолго.

Помимо отказа от заманчивого плана с двумя плацдармами на Одере Жукову предстояло проглотить еще одну горькую пилюлю. Одним из пунктов директивы Ставки ВГК шло следующее: «Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока». То есть танковые армии должны были выйти на Эльбу и тем самым исключить выход союзников к Берлину с запада.

Это, очевидно, политическое решение фактически означало исключение танковых армий 1-го Белорусского фронта из борьбы за немецкую столицу. Более того, директива Ставки направляла танковые армии в сторону от тылов немецкой 9-й армии. Тем самым создавалась угроза того, что сбитые с одерского фронта корпуса армии Бюссе отойдут в Берлин и их придется выковыривать из бетонных и каменных зданий большого города. Предотвратив возможность захвата Берлина союзниками, 1-й Белорусский фронт рисковал получить в своем тылу «фестунг» (крепость), рядом с которым Познань и Бреслау могли показаться детскими шалостями. Перед Жуковым стоял один из самых трудных выборов за всю войну.

---

[5] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 292.

[6] Русский архив. Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. С. 66.

Кокон из танковых армий

Нет сомнений, что директива Ставки на проведение Берлинской операции командующего 1-м Белорусским фронтом совершенно не устраивала. Однако открыто спорить с решением Ставки и самого Сталина было бессмысленным занятием. Это грозило отстранением от командования фронтом. Тем более несколькими месяцами ранее сам Жуков сменил на посту командующего 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского. Прямой отказ от выполнения указаний сверху мог привести к возвращению на фронт прежнего командующего. Бездумное следование приказу бросить танковые армии на Эльбу в обход Берлина с севера грозило большими потерями в штурме Берлина в варианте набитого войсками «фестунга».

Одновременно определенные ограничения на диапазон принимаемых решений оказывала специфика сложившейся к апрелю 1945 г. обстановки. От Кюстринского плацдарма до Берлина было всего 60 км. Соответственно наиболее распространенное и логичное решение с отсечением от города стоящих на дальних подступах к нему войск противника было труднореализуемым. В отсутствие политического фактора два фронта могли ударить навстречу друг другу танковыми армиями, отсекая от Берлина главные силы защитников одерского фронта. Но ввиду новых директив Ставки пришлось бы для этого сговариваться с Коневым, что было почти невозможным. Впрочем, у Жукова уже были некоторые «домашние заготовки» времен разработки планов наступления на Берлин одним фронтом.

Но для начала нужно было получить «добро» от Ставки на некоторые изменения. В своих воспоминаниях он описал это следующим образом:

«Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт, начинал наступление на четверо суток позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М.Е. Катукова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В.И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение задачи, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И.В. Сталин сказал:

– Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее»[7].

Получив разрешение на ввод танковых армий на нужном ему направлении, командующий 1-м Белорусским фронтом 12 апреля выпустил пакет директив на наступление. В отличие от своих коллег, писавших пространные директивы всем армиям сразу, Г.К. Жуков ставил задачи подчиненным ему армиям несколькими частными директивами, разделив объединения своего фронта на несколько групп. Командующий фронтом частной постановкой задач разделил их на «форвардов», «полузащитников» и делегацию для встречи с американскими войсками на Эльбе. Построение директив было стандартным: данные о противнике, соседи, задачи по рубежам на первые четыре дня наступления и конечная задача в операции.

[7] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 296.

Советский солдат с «фаустпатроном». Гранатометы часто становились трофеем Красной армии и широко использовались в войсках.

Первой по номеру была частная директива № 00539/оп, адресованная лично командующим 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й танковыми армиями. Эти четыре армии были «форвардами», которым предстояло наступать непосредственно на Берлин с Кюстринского плацдарма.

Основной удар по городу Берлину должна была нанести 8-я гвардейская армия В.И.Чуйкова. Ее задачей по частной оперативной директиве №00539/оп было:

«прорвать оборону противника на участке: ст. (1 км юго-вост. Гольцов), Г[осподский] Дв[ор] (2 км вост. Заксендорф) и, развивая удар в общем направлении, Зеелов, Требнитц, Гарцау, Дальвиц, Силезский вокзал, Шарлоттенбург, овладеть рубежами:

а) в первый день операции – Альт-Розенталь, Ной-Энтемпель, Лицеи;

б) во второй день операции – Гарцин, выс. 78,2, оз. Максзее;

в) в третий день операции – искл. Альт-Ландсберг, вост. окр. Хоппегартен, Калькберге.

В дальнейшем овладеть пригородами: Марцан, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Каульсдорф, Мальсдорф, Дальвиц, центральной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавель»[8].

«Запас прочности» у армии В.И. Чуйкова для выполнения поставленной задачи был небольшой. Перед Висло-Одерской операцией соединения 8-й гв. армии насчитывали около 6 тыс. человек, а перед Берлинской операцией большинство дивизий недотягивало до 5 тыс. человек. Численность стрелковых рот дивизий 8-й гв. армии была примерно 50% от штатной. В целом состояние соединений 8-й гв. армии было достаточно характерным для войск, находившихся в подчинении Г.К. Жукова перед Берлинской операцией.

Правым соседом 8-й гвардейской армии была 5-я ударная армия Н.Э. Берзарина. Ей в указанной частной директиве была поставлена задача:

«прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Цехин), Гольцов и, развивая удар в общем направлении, Цехин, Ной-Харденберг, Грунов, Везенталь, Блюмберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами:

а) в первый день операции – искл. Альт-Фридлянд, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь;

[8] ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 75.

б) во второй день операции – искл. Претцель, Рульсдорф;

в) в третий день операции – искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее»[9].

Если наложить эту задачу на карту, то получается наступление в западном направлении темпом 14–15 км в сутки с захватом северной части Берлина.

Командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков изучает обстановку по карте

Если отягощенные массой артиллерии и тяжелой бронетехники общевойсковые армии были сильны своим ударом, то танковые армии должны были стать легким, но гибким и дальнобойным инструментом ведения операции. Преимуществом танковых объединений являлись большее число средних танков и САУ, а также наличие мотопехоты. Плановое использование двух танковых объединений 1-го Белорусского фронта в битве за Берлин было довольно необычным.

Перспектива далее использовать могучие танковые армии для выстраивания их перед союзниками на Эльбе с плакатиками «Ты туда не ходи, ты сюда ходи!» Жукова, конечно же, не устраивала. Поэтому предложенному Ставкой плану Георгий Константинович в своих частных директивах не последовал. Разумеется, никто не собирался бросать танкистов на тесные улицы Берлина. Сложности использования танковых соединений в крупном городе были очевидны, и поэтому 1-я и 2-я гв. танковые армии должны были лишь подготовить Берлин к штурму обще-

[9] Там же.

войсковыми армиями. Обе танковые армии Жуков предполагал вводить в прорыв на рубеже, лежащем примерно на полпути между исходными позициями и задачей первого дня 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

На второй день после ввода в прорыв 2-я гв. танковая армия должна была: «выйти в район: Биркенвердер, Хейлигензе, Розенталь, Шенвальде.

В дальнейшем одним корпусом захватить переправы через Гогенцоллерн-канал на участке Ораниенбург, Геннигсдорф и овладеть плацдармом на его зап. берегу. Главными силами армии ударом на юг, во взаимодействии с 1-й гв. ТА, овладеть северо-западной частью г. Берлина до линии железной дороги Бернау, Панков, Шарлоттенбург, ст. 1 км вост. Ваннзее»[10].

Если расшифровать эту задачу, то танковая армия С.И. Богданова должна была обойти Берлин с севера и повернуть на его северо-западную окраину. Тем самым выстраивалась «пробка» между защитниками немецкой столицы и резервами, которые могли подойти им на выручку с северо-запада и запада. Одновременно захватывался перспективный плацдарм на Гогенцоллерн-канале для вооруженной делегации по встрече с союзниками.

Задача 1-й гв. танковой армии была симметричной задаче 2-й гв. танковой армии относительно центра Берлина. На второй день после ввода в прорыв армия М.Е. Катукова должна была: «овладеть районами: Марцан, Карлсхорст, Шеневейде, Копеник, Фридрихсхаген, Ноенхаген.

В дальнейшем ударом на юго-запад, во взаимодействии со 2 гв. ТА, овладеть районом: Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Целендорф, Лихтенраде, Рудов, приг. Трептов, Нейкельн»[11].

Перечисленные в задачах 1-й гв. танковой армии названия – это в основном не районы самого города Берлин, а его пригороды. Районами Берлина среди вышеперечисленного являются Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Трептов и Нейкельн. Описанным в директиве № 00539/оп маневром 1-й гв. танковой армии защитники города изолировались от подхода резервов с юга и юго-востока. Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану «обволакивали» немецкую столицу, подобно тому как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катукова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона.

Справа и слева от «форвардов» главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта должны были наступать две пары армий-«полузащитников». Слева от «форвардов» в роли «полузащитников» выступали 69-я и 33-я армии. Этим двум армиям была поставлена задача единой частной директивой № 00543/оп. 69-я армия должна была стартовать с южной части Кюстринского плацдарма и наступать по маршруту, параллельному направлению движения главной ударной группировки фронта. Тем самым армии на направлении главного удара избавлялись от необходимости растягивать фланги. Директивой № 00543/оп предполагалось участие армии В.Я. Колпакчи в штурме немецкой столицы: «на шестой день операции овладеть юго-восточной и южной частью города Берлин и выйти на юго-восточный берег оз. Хавель»[12].

33-я армия В.Д. Цветаева должна была перейти в наступление с северного фаса захваченного в феврале 1945 г. плацдарма на Одере. В первую очередь две армии-«полузащит-

[10] ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 77.

[11] Там же.

[12] ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

ника» должны были реализовать задуманное еще в конце марта объединение плацдармов. Вспомогательными ударами по сходящимся направлениям 33-я и 69-я армии должны были сомкнуть фланги и окружить «фестунг» Франкфурт-на-Одере. Однако главная задача той и другой армий лежала далеко на западе от последнего немецкого плацдарма, на восточном берегу Одера. Конечной задачей 33-й армии было, «обеспечивая свой фланг с юга и юго-запада, наступать в общем направлении Кенигс-Вустерхаузен, Михендорф, Бранденбург»[13]. Это вполне соответствовало директиве Ставки. Двигаясь на запад, 33-я армия должна была одновременно оттеснять противостоящего противника на юго-запад, отбрасывая его части в направлении стыка с 1-м Украинским фронтом.

Севернее «форвардов» должны были наступать правые «полузащитники» в лице 3-й ударной и 47-й армий. Им Г.К. Жуков поставил задачи частной оперативной директивой № 00542/оп. По первоначальному замыслу операции ни Егоров, ни Кантария, ни капитан Неустроев из 3-й ударной армии не должны были оказаться у Рейхстага. Если бы все развивалось по частной оперативной директиве № 00542/оп, их имена никогда не стали были известны миллионам сограждан. Получившая впоследствии славу покорителя Рейхстага 150-я стрелковая дивизия Шатилова, как и десятки других соединений на берлинском направлении, прошла бы мимо немецкой столицы, выполняя свою узкую задачу. 3-я ударная армия В.И. Кузнецова должна была наступать параллельно главной ударной группировке фронта, не входя в Берлин. Если конечной целью «форвардов» было озеро Хавельзее, то 3-я ударная армия должна была обойти его с севера и «заглянуть» за него. Конечной задачей армии было «на восьмой день операции овладеть районами: Геннигсдорф, Бризеланг, Фарлянд, Кладов, Гатов, Шпандау»[14]. Армия В.И. Кузнецова единственная из общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта получила на усиление подвижное соединение – 9-й танковый корпус. Справа от 3-й ударной армии должна была наступать 47-я армия. Ее конечной целью был выход на р. Эльба. Плановый темп наступления 3-й ударной и 47-й армий составлял примерно 15 км в сутки.

Двум армиям на правом фланге 1-го Белорусского фронта задачи ставились раздельно. Связано это было скорее с языковым барьером – одной из них была 1-я армия Войска Польского. Частной оперативной директивой №00541/оп польским войскам предписывалось форсировать р. Одер и уже в первый день наступления выйти к Альте-Одер и захватить плацдарм на его западном берегу. На второй день операции 1-я польская армия должна была форсировать Альте-Одер и далее наступать на запад. Для форсирования двух водных преград армия получала 274-й батальон особого назначения (амфибий). На одиннадцатый день операции польские части должны были выйти на р. Эльба.

Правым соседом 1-й польской армии была 61-я армия П.А. Белова. Она занимала позиции на правом фланге 1-го Белорусского фронта и примыкала к 49-й армии 2-го Белорусского фронта. По частной директиве № 00540/оп 61-я армия должна была форсировать Одер и уже к исходу дня 16 апреля овладеть обширным плацдармом на его западном берегу. Что интересно, именно в частной директиве 61-й армии мелькает в явном виде дата начала наступления – 16 апреля. Во всех остальных директивах написано только: «Время начала наступления согласно моим личным указаниям».

После форсирования Одера 61-я армия должна была наступать на запад, «обеспечивая свой правый фланг от контрударов противника с севера и северо-запада». Конечной целью наступления был выход на р. Эльба. Расположение армии П.А. Белова на фланге означало, как вполне вероятный вариант действий, оборону фронтом на север, подобно февралю 1945 г.

Ни 61-я армия, ни 1-я польская армия не получали средств усиления класса артиллерийских дивизий. Тем самым они радикально отличались по составу как от «форвардов», так и от

[13] ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

[14] Там же, л. 88.

«полузащитников», составляя делегацию для встречи с союзниками на Эльбе. Видимо, считалось, что на периферии обороны Берлина эти две армии встретят слабое сопротивление противника. 61-й армии также подчинялся 7-й кавалерийский корпус, который можно было применить при слабом противодействии противника. На этом фоне несколько странно выглядит оценка противника, данная в директиве № 00540/оп. Предполагалось, что 61-й армии противостоят в первой линии 1-я дивизия морской пехоты, 11-я моторизованная дивизия СС, 610-я пехотная дивизия особого назначения, 503-й танковый батальон («тигров»?), а в качестве резерва указывалась 10-я моторизованная дивизия СС. В действительности последняя (10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг») к тому моменту уже находилась в подчинении группы армий «Центр» и дислоцировалась в районе Герлица.

Цейтнот II. Маленькая тайна Маршала Конева

Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом, и плох тот военачальник, что не хочет войти в столицу противника. Да и для простых солдат участие в боях за главный город врага было мечтой, которую они лелеяли в ледяной воде переправ, в бесконечных маршах и в становившихся на многие месяцы домом окопах. Многие трудные и кровопролитные сражения сотрутся из памяти людей в послевоенные десятилетия. Только в глубине души вернувшиеся с войны солдаты и офицеры будут знать, что самым трудным и запоминающимся был бой у никому не известной деревушки. Но лишь нескольким сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.

Задача, поставленная войскам 1-го Украинского фронта директивой Ставки ВГК № 11060 от 3 апреля 1945 г., в принципе не предусматривала их участия в сражении собственно за Берлин. Цели операции формулировались Ставкой следующим образом:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Коттбус и южнее Берлина. Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльбе до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг»[15].

Иван Степанович Конев прекрасно понимал, что значит стать покорителем Берлина в глазах потомков. И потому даже в исходный план операции были заложены меры, позволяющие оспаривать славу захвата лежавших так близко и так далеко улиц немецкой столицы. Так же как и Жукову, ему пришлось подготовить план наступления войск своего фронта, идущий вразрез с директивами Ставки.

Если в адресованной Жукову директиве было четко сказано «овладеть столицей Германии городом Берлин», то Коневу предписывалось лишь «разгромить группировку противника […] южнее Берлина», а о самом Берлине ничего не сказано. Как признается сам Конев в своих воспоминаниях, лазейка была найдена в разграничительной линии между двумя фронтами. Он написал об этом так: «Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе? Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставлять его у себя нетронутым справа на фланге, да еще в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся»[16].

Сейчас, когда нам доступны директивы Ставки обоим фронтам, лукавство этой версии видно невооруженным глазом. При этом Конев почему-то упускает из виду, что задачи фронта в вышепроцитированной директиве были достаточно четко сформулированы на глубину, гораздо большую, нежели рубеж обрыва разграничительной линии. В директиве Ставки ВГК № 11060 четко указывается, что от 1-го Украинского фронта требуется овладеть «рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена». Белитц лежит намного южнее окраин Берлина, примерно на меридиане Франкфурта-на-Одере. Далее войска И.С. Конева нацеливаются на Лейпциг, т.е. вообще на юго-запад.

К слову сказать, сам по себе обрыв разграничительной линии у Люббена мог означать возможность ее поворота от этой точки на юг. В январе и феврале 1945 г. И.С. Коневу постоянно приходилось разворачивать войска на свой южный фланг. Такое же событие могло иметь

---

[15] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). 1999. С. 225.

[16] *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 98–99.

место в ходе наступления на Берлин. В этом случае о прорыве к Бранденбургу пришлось бы забыть, как пришлось в феврале 1945 г. забыть о выходе к Эльбе.

Особую роль в сражении должны были сыграть 3-я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко и 3-я гвардейская армия В.Н. Гордова. Очевидно, что быстрее всего можно было выйти к Берлину подвижными соединениями. Однако Конев был человеком трезвомыслящим и поэтому понимал сложности ведения боев в городе крупными механизированными соединениями. Поэтому предполагалось задействовать в боях за Берлин пехоту 3-й гвардейской армии.

В общей директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. возможное участие 3-й гв. армии в сражении за Берлин предполагалось более чем скромным: «Подготовить одну стрелковую дивизию для действий в составе особого отряда 3 гв. ТА из района Треббин на Берлин». Задача армии в том виде, в котором она была поставлена В.Н. Гордову, формулировалась в выражениях куда более сильных:

«Армия со средствами усиления прорывает оборону противника на зап. берегу р. Нейсе на участке (иск.) Форст, (иск) перекресток шоссе и автострады, 1 км юго-восточнее Клейн-Бадемейзель, уничтожает противостоящего противника и, стремительно развивая наступление главными силами в обход Коттбус с юга, выходит на рубеж (иск.) Цоссен, Беелиц, Нимчек, откуда главными силами атакует Берлин с юга и одним СК с юго-запада»[17].

[17] ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 30.

Строительство типичной для Германии баррикады поперек улицы. Стенки такого сооружения образовывали деревянные брусья или рельсы, а заполнялось оно камнями и землей. Подобные баррикады не преодолевались танками и выдерживали попадание снарядов до 152-мм калибра

Между «главными силами атакует Берлин» и «одной стрелковой дивизией для действий в составе особого отряда» лежит пропасть. Неясным остается вопрос, как И.С. Конев предполагал вывести из боя против котбусской группировки противника всю 3-ю гв. армию и в полном составе бросить ее на Берлин. Возможно, предполагалось использование для прикрытия фланга полученных от Ставки резервов в лице 28-й и 31-й армий. Возможно также, что имелась надежда на быстрое свертывание обороны противника и общую дезорганизацию немецких войск к юго-востоку от Берлина.

В решении командующего 3-й гв. армией присутствовали такие слова:

«…нанося главный удар в обход Коттбуса с юга в направлении Фетшау, Гольсен, Лукенвальде, во взаимодействии с 3 гв. ТА главными силами выйти на рубеж (иск.) Цоссен, Беелитц, Нимечек, откуда двумя стрелковыми корпусами (120 и 76 СК) нанести удар по Берлину с юга и одним СК (21 СК) с юго-запада»[18].

Генерал Гордов несколько модернизировал поставленную Коневым задачу. Хотя в общем описании задачи армии присутствовал оборот «в обход Коттбуса», ось ее наступления проходила через сам город Коттбус. Разграничительная линия между корпусами, проходившая через Коттбус на Фетшау, делила армию на две части. Севернее ее должны были наступать 76-й и 120-й стрелковые корпуса, а южнее – 21-й стрелковый корпус. 76-й стрелковый корпус должен был захватить переправу через Шпрее у Дебрика, севернее Коттбуса, 120-й стрелковый корпус – в районе самого Коттбуса и 21-й стрелковый корпус – южнее Коттбуса. Город Коттбус несколько самонадеянно предполагалось захватить «передовым отрядом» 120-го стрелкового корпуса. Решение В.Н. Гордова можно объяснить стремлением захватить и использовать крупное шоссе, которое в случае простого обхода Коттбуса стало бы рокадой для контрударов противника. Немцы смогли бы в условиях лесных массивов перемещать крупные массы войск от Форста к Коттбусу и обратно. Одновременно захват крупной трассы вытеснял противника в труднопроходимый район к северу от Коттбуса.

Если 3-й гвардейской армии на правом фланге фронта И.С. Конев поставил задачу без обиняков, то в отношении участия 3-й гв. танковой армии в сражении за Берлин первоначально были сделаны указания общего характера. Сложившийся к 8 апреля первоначальный план операции был еще достаточно осторожным. Он предусматривал выход 3-й гв. танковой армии в район к западу от Берлина: «Ком. фронта ориентировал командующего армией о последующей задаче 3 гв. ТА в общем направлении на Бранденбург»[19]. Бросок на Берлин пока имел самые общие контуры. В директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля Конев приказывал Рыбалко: «Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга»[20].

Характер использования 3-й гв. танковой армии поначалу шел вразрез с типичным для И.С. Конева вариантом с вводом механизированных объединений в бой, а не в прорыв. Согласно все той же директиве командующего 1-м Украинским фронтом № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. 3-ю гв. танковую армию предполагалось ввести в прорыв с рубежа р. Шпрее в полосе 3-й гвардейской армии. Такое использование наиболее мощного средства ведения маневренных операций соответствовало указаниям, данным И.С. Коневу в директиве Ставки

[18] ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 32.

[19] ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 676, л. 8.

[20] *Конев И.С.* Указ. соч. 1966. С. 98.

ВГК № 11060: «Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара»[21]. Танковую армию предполагалось ввести в сражение только после выхода пехоты общевойсковых армий на рубеж р. Шпрее. Согласно журналу боевых действий 3-й гв. танковой армии этот вариант был в основном утвержден командующим фронтом 9 апреля. Руководствуясь первоначальным планом операции, П.С. Рыбалко приказом № 022/оп от 1.30 13 апреля описывал условия ввода армии в сражение следующим образом: «3 гв. ТА вводится в прорыв на участке 3 гв. А с рубежа р. Шпрее южнее Коттбус и, стремительно развивая наступление в общем направлении Калау, Люккау, Люкенвальде, к исходу Д+3 овладевает районом Китлиц, Шлапендорф, Фостлих-Дрена, Калау»[22]. Сообразно этому он поставил своим подчиненным задачу «войти в прорыв с рубежа р. Шпрее на участке (иск.) Коттбус, Галингхен, имея в первом эшелоне 6 и 7 гв. ТК и во втором эшелоне, за левым флангом 9 МК»[23]. 6-й гв. танковый корпус должен был одной бригадой содействовать штурму Форста, переправиться через р. Нейсе в ночь на Д+2 (т.е. в ночь на второй день операции), содействовать 3-й гв. армии в захвате Коттбуса и в ночь на Д+3 форсировать Шпрее южнее Коттбуса. 7-й гв. танковый корпус также должен был в ночь на Д+2 форсировать Нейсе, а в ночь с Д+2 на Д+3 – Шпрее. Некий налет «коневщины» имело только участие 6-го гв. танкового корпуса в штурме Форста и Коттбуса.

Однако 14 апреля И.С. Конев во изменение ранее отданных распоряжений дал указания об использовании танковой армии П.С. Рыбалко с первого дня операции. Во изменение предыдущего приказа командарм в 22.30 14 апреля издает новый приказ № 023/оп:

«1. 6 гв. ТК с дивизионом 40 ПАБР в период артподготовки выйти на исходный рубеж – лес вост. р. Нейсе на участке Гросс-Бадемейзель, Клейн-Бадемейзель, имея передовую бригаду непосредственно за боевыми порядками 21 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками 21 СК, обогнать пехоту на рубеже Носсдорф, Зиммерсдорф, к исходу Д+1 передовой бригадой захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее на участке Мадлов, Галлинхен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Кикебуш, (иск.) Фрауендорф, Хугон, (иск.) Хазов.

[…]

2. 7 гв. ТК в период артподготовки выйти на исходный рубеж – лес вост. р. Нейсе на участке Клейн-Бадемейзель, Эрленхольц, имея передовую бригаду (56 гв. тбр) непосредственно за боевыми порядками 102 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками 102 СК, обогнать пехоту на рубеже Зиммерсдорф, Клейн-Кельциг, к исходу Д+1 передовой бригадой захватить плацдарм на западном берегу Шпрее на участке Фрауендорф, Нейхаузен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Фрауендорф, Нейхаузен, (иск.) Роггозен»[24].

9-й механизированный корпус должен был наступать во втором эшелоне армии. 16-ю самоходно-артиллерийскую бригаду на ленд-лизовских СУ-57 предполагалось использовать для прикрытия левого фланга армии, а 57-й гв. тяжелый танковый полк (единственная часть армии Рыбалко, вооруженная ИСами) оставался в резерве командарма.

Приказы двум передовым корпусам словно написаны под копирку: «в период артподготовки выйти… не позже Ч+3 форсировать… к исходу захватить плацдарм…» По новому решению командующего фронтом танковая армия должна была форсировать р. Нейсе в боевых порядках пехоты, а в дальнейшем обогнать пехоту примерно на трети пути от Нейсе до Шпрее и к исходу первого дня наступления захватить плацдармы на р. Шпрее. Для ускорения

[21] Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). 1999. С. 225.

[22] ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 79.

[23] Там же.

[24] ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 82.

продвижения вперед 6-й гв. танковый корпус уводился с линии Форст – Коттбус, оставляя штурм этих узлов сопротивления противника пехоте. Стрелковым корпусам общевойсковых армий также предписывалось выбросить передовые отряды для захвата плацдармов на Шпрее. Далее от танкистов Рыбалко ожидался стремительный прорыв в глубину. По приказу № 023/оп передовые отряды 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов (по одной бригаде) на второй день наступления должны были захватить Дубен и Люккау соответственно. Эти пункты лежали в 60–70 км от Нейсе. Тем самым темпы операции были ускорены, по крайней мере, на треть: к Дубену и Люккау нужно было выйти на сутки раньше, чем по первоначальному плану наступления. Конев явно решил прорваться к Берлину первым. При этом подчиненных о перспективах покорения немецкой столицы он не информировал. В отчете штаба 3-й гв. танковой армии по итогам операции отмечалось: «Наступление на Берлин не входило первоначально в задачу 3 гв. ТА»[25].

Поставленной в центр построения ударной группировки 1-го Украинского фронта 13-й армии Н.П. Пухова по первоначальному плану операции досталась роль связки между двумя крупными танковыми таранами. Директивой № 00211 от 8 апреля 13-й армии предписывалось «форсировать реку Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Бадемейзель, (иск.) Клайн-Зэрхен и наступать в общем направлении Гросс Кельциг, Дребкау, Мюнххаузен, Шлибен, Цана»[26]. Ввод в прорыв танковой армии в полосе наступления 13-й армии первоначально не предполагался. Кулак, взламывающий оборону для ввода в брешь крупных танковых масс, должен был действовать южнее, где войскам 5-й гвардейской армии И.С. Коневым предписывалось: «форсировать р. Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Зэрхен, Мускау и развивать удар в общем направлении Гойерсверда, Швепнитц, северо-западная окраина Дрезден»[27]. Содействовать пехоте 5-й гв. армии А.С. Жадова должен был 4-й гв. танковый корпус П.П. Полубоярова. Всего для непосредственной поддержки пехоты в составе армии А.С. Жадова к началу операции было 115 танков и САУ. 4-ю гв. танковую армию предполагалось «ввести в прорыв на участке 5-й гв. армии с рубежа р. Шпрее и, стремительно развивая наступление в общем направлении Гросс-Решен, Финстервальде, Шлибен, Цана, к исходу третьего дня операции овладеть районом Задо, Финстервальде, Гохра, Зархен»[28]. Отметим, что участие в сражении за Берлин танкистов Д.Д. Лелюшенко даже в форме некоего «особого отряда» пока не предполагалось. Назначенный в качестве конечной точки город Цана располагался к юго-западу от немецкой столицы, на полпути от Берлина до Лейпцига.

Точно так же, как в случае с 3-й гв. танковой армией, первоначально 4-ю гв. танковую армию предполагалось использовать по канонам советской военной науки и вводить в прорыв с рубежа р. Шпрее. Командующий 4-й гв. танковой армией Д.Д. Лелюшенко впоследствии вспоминал: «В первой директиве штаба фронта [т.е. директиве № 00211 от 8 апреля 1945 г. – *А.И.*] требовалось осуществить ввод в прорыв 4-й гвардейской танковой армии лишь тогда, когда 5-я гвардейская армия форсирует р. Шпрее и захватит плацдарм. В этом случае пехоте из армии Жадова предстояло с боями пройти от р. Нейсе до р. Шпрее добрых 35–40 км, затратив как минимум 2 дня. Серьезно задумались над этим вопросом военные советы нашей и 5-й гвардейской армий. Дело осложнялось тем, что войска Жадова имели мало танков для непосредственной поддержки пехоты. Следовательно, он не мог бы стремительно развивать наступление, а противник получил бы возможность планомерно отходить на следующие рубежи, одновременно подтягивая резервы из глубины, тем более что Берлин был рядом. Это позволило бы ему

[25] ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440., д. 676, л. 10.

[26] Берлинская операция 1945 г. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1950. С. 560.

[27] Там же.

[28] Берлинская операция 1945 г. С. 561.

организовать оборону на р. Шпрее, подготовиться к встрече нашей танковой армии, организованным огнем и инженерно-минными заграждениями застопорить развитие нашего успеха»[29].

Стоит отметить, что и по плану операции 5-й гв. армии требовалось два дня на продвижение к Шпрее. Задача располагавшейся на левом фланге главной ударной группировки 1-го Украинского фронта 5-й гв. армии была не из легких. Вследствие того, что войскам фронта в феврале – марте 1945 г. пришлось отвлекать значительные силы на фланги, к началу Берлинской операции не был ликвидирован опорный пункт противника в районе города Мускау. Здесь немецкие войска удерживали плацдарм на восточном берегу Нейсе. Форст и Мускау как бы образовывали «геркурлесовы столпы», «угловые столбы», ограничивавшие полосу советского наступления с севера и юга. Форст попал в полосу 3-й гв. армии, а Мускау – в полосу 5-й гв. армии. Если остальные армии начинали операцию с форсирования Нейсе, то армия А.С. Жадова должна была вначале ликвидировать вражеский плацдарм. Сразу форсировать Нейсе мог только один правофланговый 32-й стрелковый корпус 5-й гв. армии. 32-й стрелковый корпус строился для наступления с форсированием реки в два эшелона, 34-й стрелковый корпус должен был наступать на Мускау в одноэшелонном построении, а 33-й стрелковый корпус составлял второй эшелон 5-й гв. армии.

За два дня до начала операции Д.Д. Лелюшенко получил указание командующего 1-м Украинским фронтом сразу ввести в бой сильные передовые отряды 4-й гв. танковой армии для ускорения взлома всей тактической глубины обороны противника. Предполагалось, что, как только 5-я гв. армия захватит плацдарм на западном берегу р. Нейсе и наведет мосты, передовые отряды танковой армии обгонят пехоту, чтобы к утру 17 апреля с ходу форсировать Шпрее. Тем самым формат использования обеих танковых армий становился традиционным для И.С. Конева вводом в бой в первый же день наступления.

Отказ от ввода 4-й гв. танковой армии с рубежа р. Шпрее заставил сместить ее из полосы 5-й гв. армии на стык 13-й и 5-й гв. армий. Также в полосу 13-й смещалась часть сил 3-й гв. танковой армии. Причина этого проста. В случае успешного прорыва обороны противника полосы наступления армий постепенно расширяются. Происходит это за счет свертывания обороны противника в сторону флангов и естественного разворота фланговых армий во фланг и тыл обойденных прорывом соединений врага. Это позволяло планировать ввод танковых армий в прорыв в полосе одной общевойсковой армии. Сдвиг рубежа ввода обеих танковых армий назад, естественно, вызвал перекрытие полосы 13-й армии. Так армия Н.П. Пухова получила подарок судьбы – поддержку крупных танковых соединений с первого дня операции. До судьбоносного решения вводить танковые армии в бой пехоту 13-й армии должны были поддерживать всего один танковый полк и четыре самоходно-артиллерийских полка (97 танков и САУ).

Интересно отметить, что существенные изменения планов И.С. Конева последовали после того, как вечером 9 апреля 1945 г. директивой Ставки ВГК № 11064 генерал армии В.Д. Соколовский был назначен заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом. До этого Соколовский занимал должность начальника штаба 1-го Украинского фронта. Василий Данилович Соколовский был давним соратником Г.К. Жукова (он был его начальником штаба еще в период битвы за Москву), и при таком начальнике штаба вряд ли была возможность всерьез строить планы по самостоятельному броску на Берлин. Место Соколовского занял генерал армии И.Е. Петров. Последний был 25 марта 1945 г. снят с должности командующего 4-м Украинским фронтом за срыв наступательной операции и введение в заблуждение Ставки относительно истинного положения войск фронта. И.Е. Петров с Г.К. Жуковым по службе напрямую не пересекался. Поэтому при новом начальнике штаба фронта И.С. Конев мог перетряхивать задачи армий и планировать поворот крупных сил на Берлин.

---

[29] *Лелюшенко Д.Д.* Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. М.: Наука. 1987. С. 334.

Таким образом, еще в период подготовки Берлинской операции в нее было заложено внутреннее напряжение, обусловленное стремлением И.С. Конева участвовать в боях собственно за Берлин. Это стремление стало дезорганизующим элементом, приведшим к существенным отклонениям в ходе боевых действий от первоначальных планов советского верховного командования.

Одерский фронт. Повторить Ржев!

В тот день, когда в штабе 1-го Белорусского фронта были подготовлены два варианта плана наступления на Берлин, Гейнц Гудериан как начальник Генерального штаба германских вооруженных сил присутствовал на совещании в бункере у Гитлера. Ему пришлось защищать командующего 9-й армией Бюссе от нападок фюрера. Незадолго до этого 9-й армией был потерян Кюстрин, а попытка контрудара по советскому плацдарму обернулась провалом с большими потерями. Закончилось все перепалкой между фюрером и начальником Генерального штаба. Формально Гудериан был отправлен в шестинедельный отпуск, но в действительности это было равносильно отставке.

Новым начальником Генерального штаба стал генерал пехоты Ганс Кребс. Этот молодой по немецким меркам генерал (47 лет) застрелился 1 мая 1945 г. и не написал «Воспоминаний солдата» («Утраченных побед», «Окопной правды», «Пострадавших от фюрера»). Поэтому он остался для многих темной лошадкой, сменившей «блестящего» Гудериана. Например, английский историк Тейлор, описывая это назначение, пишет, что фюрер «снял Гудериана с поста начальника штаба и назначил угодливого Кребса»[30]. В действительности как штабист Кребс был явно сильнее своего предшественника. По крайней мере, его карьера была карьерой высокопоставленного штабиста на Восточном фронте с большим опытом и заметными успехами. В 1941 г. Кребс был военным атташе в Москве. Он вообще был специалистом по России – служил в 1930-х в отделе иностранных армий Востока и даже сносно говорил по-русски. С началом войны с СССР Кребс вернулся в Германию и служил в ОКХ. С января 1942 г. по январь 1943 г. Кребс был начальником штаба 9-й армии, т.е. прошел штабистом жесточайшее позиционное сражение под Ржевом. Несомненно, что непосредственное участие в ряде успешно проведенных оборонительных операций в районе Ржевского выступа стало одной из причин назначения Кребса начальником Генерального штаба. Именно за Ржев он был в апреле 1943 г. повышен в звании до генерал-лейтенанта. После повышения в звании последовал шажок на ступеньку вверх по служебной лестнице – с марта 1943 г. по сентябрь 1944 г. Кребс занимал должность начальника штаба группы армий «Центр», а затем до 17 февраля 1945 г. – начальника штаба группы армий «Б» на Западе. Рыцарский крест Кребс получил 26 марта 1944 г. за свою деятельность в качестве начальника штаба группы армий «Центр», а Дубовые листья – 20 февраля 1945 г. как начальник штаба группы армий «Б». С 17 февраля 1945 г. Кребс стал начальником оперативного отдела ОКХ, а затем он сменил Гудериана на посту начальника Генерального штаба и вошел в историю именно в этом качестве.

[30] Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 543.

Генерал пехоты Ганс Кребс, последний начальник Генерального штаба германской армии

Ассоциации с Ржевом, несомненно, присутствовали при принятии решения о назначении Кребса. Точно так же неслучайным представляется выбор именно «9-ки» для обозначения армии на защите Берлина. Когда-то именно 9-я армия устояла под Ржевом под ударами Жукова и Конева, нынешних командующих фронтами на берлинском направлении. Одной из призрачных надежд фюрера было повторение под Берлином событий 1942 г., когда советские наступления увязли в немецкой обороне.

На берлинском направлении. Перед лицом численного превосходства советских войск и владения ими стратегической инициативой немецкое командование искало ключ к успеху в совершенствовании тактики вывода обороняющихся войск из-под мощного удара советской артиллерии. Основным руководящим документом для группы армий «Висла» был подписанный Гитлером приказ от 30 марта, гласивший:

«Я требую, чтобы вся группа армий от командующего до последнего солдата понимала, что успех в грядущей битве может быть обеспечен духом энергичной обороны и фанатичным упорством. Сражение за Берлин обязано и будет решающей победой в обороне.

В частности, я приказываю:

1. Группа армий выводит части, которые ведут бой в первой линии, назад для создания необходимой глубины обороны на участке каждой дивизии.

2. В трех-шести километрах позади от передовой должна быть определена и оборудована главная линия сопротивления. Эта линия будет занята по приказу командующего незадолго до выявленного времени начала вражеской атаки. Нет оснований считать, что ожидаемая массированная артиллерийская подготовка противника поразит всю глубину нашей обороны.

3. На расстоянии от восьми до десяти километров от передовой линии обороны занимают позиции объединенные силы фольксштурма и учебных частей люфтваффе.

4. Немедленно переместить артиллерию на такую глубину, чтобы основная часть батарей могла обеспечивать заградительный огонь в области между передовой линией обороны и главной линией сопротивления. Позиции артиллерии должны располагаться на второй позиции (в 8–10 км от передовой) или за ней.

Постоянные позиции артиллерии могут располагаться только позади основной линии сопротивления. Основная часть зенитной артиллерии должна быть аналогичным образом оттянута за второй позицией.

С передачей 10-й танковой дивизии СС в состав группы армий «Центр» все моторизованные соединения должны быть отведены назад с тем, чтобы они могли контратаковать без задержек. Их готовность должна быть проверена на соответствующих учениях»[31].

Путь к столице Германии советским войскам преграждала 9-я армия. С момента захвата плацдармов на Одере она непрерывно усиливалась. К моменту начала Берлинской операции состав и расположение соединений армии Бюссе были следующими. На крайнем левом фланге 9-й армии оборонялся CI армейский корпус генерала Вильгельма Берлина. Позиции на левом фланге корпуса, примыкая к частям 3-й танковой армии, занимала 5-я егерская дивизия. Это было старое, хорошо подготовленное соединение. Дивизия прошла войну на востоке с ее первого дня и до последнего сражения на подступах к Берлину. 5-я егерская дивизия благополучно избежала сокрушительных ударов «Багратиона» летом 1944 г. и Висло-Одерской операции января 1945 г. В том и другом случае дивизия оказывалась в стороне от главного удара советских войск. Однако бесконечно везение продолжаться не могло, и 5-я егерская дивизия серьезно пострадала в ходе Восточно-Померанской операции в марте 1945 г. Большие потери в мартовских боях заставили спешно пополнять соединение за счет персонала люфтваффе, полиции и частей фольксштурма. Характерной особенностью «егерской» дивизии был несколько ослабленный состав по сравнению с обычными дивизиями: два полка пехоты вместо трех. Командовал 5-й егерской дивизией генерал Фридрих Зикст. Он был назначен на эту должность еще в августе 1944 г., когда дивизия стояла на Висле.

Следующим соединением в цепочке обороны 9-й армии была 606-я пехотная дивизия. Она была наспех собрана из штаба австрийского происхождения и разнообразных частей, в том числе батальона бременской полиции, батальона «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и других. Тем не менее 606-я пехотная дивизия могла похвастаться трехполковым составом: полки «А», «Сатор» и «Роде». Командовал дивизией генерал-майор Максимилиан Росскопф.

Еще одним наспех сформированным соединением была 309-я пехотная дивизия «Берлин». Она также была трехполкового состава, стандартного для пехотных дивизий вермахта: полк «Великая Германия», 365-й и 652-й гренадерские полки. 309-й артиллерийский полк состоял всего из одного дивизиона. Командовал дивизией, носившей имя столицы рейха, генерал-майор Генрих Фойгхтсбергер. Для 42-летнего Фойгхтсбергера это была вершина карьеры: он получил звание генерал-майора только 1 апреля 1945 г. До этого он командовал танко-гренадерским полком, воевал в Африке, на плацдарме у Запорожья, под Кривым Рогом и Одессой.

[31] Le Tissier T. Op. cit. Pp. 117–118.

Занимавшие оборону в первой линии 5-я егерская дивизия, 606-я и 309-я пехотные дивизии входили в состав CI армейского корпуса генерала артиллерии Вильгельма Берлина. Резервом корпуса была 25-я танко-гренадерская дивизия генерал-лейтенанта Арнольда Бурмейстера, ветерана сражения за плацдармы. Формально соединение с этим номером начало Вторую мировую войну в качестве пехотной дивизии и было переформировано в моторизованную пехотную дивизию осенью 1940 г. Войну с СССР начала в составе 1-й танковой группы в группе армий «Юг». Далее дивизия не вылезала с Восточного фронта до лета 1944 г. Здесь она была уничтожена в ходе разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии. После этого дивизия была восстановлена на Западе.

Помимо 25-й танко-гренадерской дивизии подвижными резервами корпуса генерала Берлина были 111-я учебная бригада САУ «Штурмгешюц» и боевая группа «1001 ночь» майора СС Бланкбойса. Последняя состояла из 560-го танко-истребительного батальона «Сулейка», из трех рот «Хетцеров», четырех рот самоходных орудий и разведывательного батальона «Гарем» со счетверенными зенитными орудиями, мотоциклистами, 75-мм буксируемыми и самоходными пушками. Сопровождающей пехотой для этих частей самоходок служила рота из 600-го парашютного батальона СС.

Обучение фольксштурмистов. Этим людям в очках и шляпах завтра предстояло выдержать удары советских танков. Преподаватель в повязке со свастикой символизирует «партийное начало» в создании фольксштурма

Участок фронта на Зееловских высотах занимал LVI танковый корпус. Управление LVI танкового корпуса стало последним резервом, прибывшим в состав 9-й армии – его включили в состав армии 12–13 апреля. Соответственно только 10 апреля командиром танкового корпуса был назначен генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг. Ему подчинялись 9-я воздушно-десантная дивизия, 20-я танко-гренадерская дивизия и танковая дивизия «Мюнхеберг».

Первым соединением, занимавшим оборону в первой линии в составе корпуса Вейдлинга, была 9-я воздушно-десантная дивизия. Отмечу, формально она называлась именно воздушно-десантной (Fallschirm-Jaeger-Division), а не авиаполевой (Luftwaffen-Feld-Division) дивизией. С точки зрения организационной структуры дивизия не имела никакого отношения к парашютистам, это была обычная пехотная дивизия трехполкового состава (25, 26 и 27-

й парашютные полки, 9-й парашютный артиллерийский полк). Однако формирование соединения из частей люфтваффе неизбежно наложило свой отпечаток на его облик. В отличие от соединений, сформированных по штату ПД-44, ее полки были трехбатальонными. 25-й полк 9-й парашютно-десантной дивизии состоял из батальона спецподразделения Скорцени, батальона «Бранденбург» и батальона подготовленных парашютистов. Непосредственное отношение к воздушно-десантным войскам Германии имел также командир дивизии – генерал парашютных войск Бруно Брэуер. Он пришел в десантники еще до войны и участвовал в высадке на Крите в 1941 г., за которую получил Рыцарский крест.

Вторым соединением в линии обороны LVI танкового корпуса была 20-я танко-гренадерская дивизия. Это была типичная для германской армии система, когда подвижные соединения ставились в первую линию обороны. 20-я моторизованная пехотная дивизия прошла польскую, французскую кампании, а затем вступила на территорию СССР в составе 3-й танковой группы. В июле 1943 г. 20-я моторизованная пехотная дивизия получила наименование танко-гренадерской и просуществовала в таком качестве до самого конца войны. Командовал 20-й танко-гренадерской дивизией полковник Георг Шольце. Он участвовал в войне с СССР с первого дня в качестве командира батальона 900-го учебного полка. По итогам действий в кампанию 1941 г. получил Германский крест в золоте. В феврале 1943 г. он получил Рыцарский крест. 20-ю танко-гренадерскую дивизию полковник Шольце возглавил в январе 1945 г.

Совещание в штабе 9-й армии 11 марта 1945 г. Над картой склонился командующий армией Бюссе. За спиной Гитлера стоит командующий 6-м воздушным флотом Грейм (в очках). Крайний слева – командир CI корпуса генерал Берлин

Танковая дивизия «Мюнхеберг» была сформирована в феврале – марте 1945 г. из различных учебных частей и почти сразу пошла в бой. Три батальона танко-гренадерских полков дивизии попали в окружение в ходе сражения за Кюстрин в марте 1945 г. Вместо них были наспех сформированы три новых с использованием курсантских частей, фольксштурма и гитлерюгенда. Командовал «Мюнхебергом» генерал-майор Вернер Муммерт, ветеран войны на Восточном фронте. Он с самого начала Второй мировой войны служил в разведывательном батальоне танковых дивизий. За кампанию 1941 г. получил Германский крест в золоте, за сражение под Ржевом летом 1942 г. – Рыцарский крест, за бои под Черкассами зимой 1943/44 г. –

Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Звание генерал-майора он получил 1 февраля 1945 г., и командование «Мюнхебергом» было его первой генеральской должностью.

Следующим в линии был XI танковый корпус СС генерала СС Матиаса Клейстеркампа. В его состав к началу сражения входили 303-я пехотная дивизия «Добериц», 169, 712-я пехотные дивизии и танко-гренадерская дивизия «Курмарк» с 502-м тяжелым танковым батальоном. 303-я пехотная дивизия была сформирована в учебном лагере Добериц. Возглавил соединение полковник Ханс-Вольфганг Шейнеманн. Дивизия «Добериц» получила первый боевой опыт в боях на Кюстринском плацдарме в феврале 1945 г. и потеряла свой фузилерный батальон в сражении за Кюстрин в марте. 169-я пехотная дивизия была своего рода «консервами». Она несла службу с 1941 г. в Норвегии и Финляндии и прибыла на фронт только в марте 1945 г. В отличие от возглавлявшихся полковниками новых дивизий, 169-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Георг Раджей. 712-я пехотная дивизия была сформирована 26 марта 1945 г. с использованием частей разросшегося «Курмарка». Командовал дивизией генерал-майор Йоахим фон Зигрот. 732-й и 745-й гренадерские полки дивизии были сформированы из 1239-го и 1241-го гренадерских полков, бывших курсантских школ «Вецлар» и «Дрезден».

Командир XI танкового корпуса оберстгруппенфюрер генерал войск СС Матиас Клейнстеркамп (убит в районе Хальбе 30 апреля 1945 г.)

В резерве XI танкового корпуса СС была танко-гренадерская дивизия «Курмарк» полковника Вилли Лангейта. Генеральское звание он получил уже в ходе боев за Берлин. Лангейт был ветераном-танкистом Восточного фронта с первого дня войны с Советским Союзом, прошедшим Сталинград и командовавшим с 1944 г. танковым полком элитной «Великой Германии», а затем ее учебной бригадой. «Курмарк» был сформирован в феврале 1945 г. из учебной бригады «Великой Германии». Дивизии Лангейта был подчинен 502-й тяжелый танковый батальон СС, вооруженный «Королевскими тиграми». Организационно дивизия заметно отличалась от других танко-гренадерских соединений. В ее составе был всего один танко-гренадерский полк вместо двух, но одновременно вместо обычного для таких дивизий танкового батальона был танковый полк.

Особняком в ряду соединений армии Бюссе стоит гарнизон «крепости Франкфурт». Здесь были «замурованы» около 14 тыс. человек под командованием полковника Эрнста Бихлера. «Фестунг» здесь был создан вполне современный: на периметре его обороны были даже ДОТы из танковых башен.

Строительство баррикады на мосту перед площадью Бель-Альянс в Берлине. Этой баррикаде предстояло закрывать дорогу к Рейхсканцелярии в апреле 1945 г.

Южное крыло 9-й армии составлял V горный корпус СС под командованием генерала СС Фридриха Екельна. В его состав входили 286-я пехотная дивизия, 32-я добровольческая пехотная дивизия СС «30 января» и 391-я охранная дивизия. Так как немецкое командование не ожидало советского наступления в районе Франкфурта-на-Одере, 12 апреля 1945 г. было решено вывести 32-ю пехотную дивизию СС из состава V горного корпуса. К 18 апреля она должна была сосредоточиться за боевыми порядками XI танкового корпуса СС как средство для проведения контратак.

Интересно отметить, что оборонявшиеся против главных сил 1-го Белорусского фронта немецкие корпуса к началу сражения имели примерно одинаковую структуру: три пехотных (за единственным исключением – 20-я танко-гренадерская дивизия) соединения в первой линии и одно подвижное соединение во второй линии.

В резерве командующего 9-й армией была 156-я учебная пехотная дивизия генерала Зигфрида фон Рековски. В отличие от дивизий, сформированных по штату ПД-44, все три ее полка (1313, 1314 и 1315-й гренадерские полки) были трехбатальонными. Незадолго до сражения она была переименована в 156-ю пехотную дивизию. Также генерал Бюссе добился того, чтобы в его подчинение из резерва ОКВ была передана 18-я танко-гренадерская дивизия. Она также относилась к числу соединений, разгромленных в Белоруссии и восстановленных по штату 1944 г.

Вообще можно сказать, что для обороны Берлина были собраны преимущественно свежесформированные соединения. Старые дивизии вермахта и войск СС были разбросаны по другим участкам фронта или же просто уничтожены. Эсэсовские дивизии были в Венгрии, 8, 16 и 17-я танковые дивизии обороняли Верхнюю Силезию. Соединения, сформированные до войны, прошедшие Польшу в 1939 г., Францию в 1940 г. и первые два года кампании на востоке, были редкостью среди защитников столицы. 5-я егерская дивизия, чудом занесенная в 9-ю армию, смотрится среди своих соседей настоящим динозавром. По той же причине в обороне Берлина участвовало крайне мало бригад штурмовых орудий. Они остались в Курляндии, были потеряны в Восточной Пруссии и Восточной Померании. В обороне Берлина участвовали только 243-я, 249-я бригады штурмовых орудий, находившиеся на переформировании в берлинском округе, и батальон штурмовых орудий V горного корпуса СС, вооруженный итальянскими САУ «Семовенте».

Командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Готтард Хайнрици

Несмотря на то, что большинство соединений на берлинском направлении были недавно сформированы, их «боевая численность» была доведена до высоких значений (см. таблицу). Даже недавно прошедшая разгром в Восточной Померании 5-я егерская дивизия была доведена до «боевой численности», которой могли бы позавидовать многие пехотные дивизии вермахта в середине войны. Обращаю внимание на высокую «боевую численность» эсэсовской пехотной дивизии и 9-й воздушно-десантной дивизии. Эти не относившиеся к вермахту формирования имели свои штаты и, несмотря на схожесть с организационной структурой армейских формирований, превышали «боевую численность» ПД-44 в 6410 человек. Власовская 600-я пехотная дивизия также превышала по своей «боевой численности» штат соединений вермахта. Хотя ее присутствие в данной таблице скорее формальность. После наступления локального значения 13 апреля 1945 г. начальник штаба 9-й армии полковник Хольц рапортовал ОКХ «В связи с некомпетентностью дивизии во время сегодняшней атаки и поступившими сведениями о недисциплинированности дивизии, предлагается разоружить ее и перевести в другой район». В итоге дивизия РОА была передана в подчинение группы армий «Центр».

Несмотря на попытки Шернера отправить власовцев на фронт, командир дивизии Буняченко увел своих людей в Богемию, и в сражении за Берлин соединение не участвовало.

«БОЕВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ» СОЕДИНЕНИЙ 9-Й АРМИИ НА 10 АПРЕЛЯ 1945 Г.

Подчиненность на 10.4	Дивизия	«Боевая численность»
XXXIX танковый корпус	тд «Мюнхеберг»	1986
	25 тгд	5605
Армейское подчинение	Крепость Франкфурт	13 945
	600 пд (русская)	7065

Подчиненность на 10.4	Дивизия	«Боевая численность»
CI армейский корпус	309 пд	5926
	606 пд	5495
	5 егд	4970
XI танковый корпус СС	712 пд	4882
	169 пд	5956
	303 пд	3860
	20 тгд	4848
	9 вдд	6758
	тгд «Курмарк»	4350
V горный корпус СС	391 охр. див	4537
	32 пд СС «30 января»	6703
	286 пд	3950
Всего		90 836

Lakowski s.49

Общая численность 9-й армии была около 200 тыс. человек, 2625 орудий (в том числе 695 зенитных пушек). Армейская артиллерия состояла из трех народно-артиллерийских корпусов. 406-й народно-артиллерийский корпус полковника Бартелса располагался в районе Врицена. 408-й народно-артиллерийский корпус подполковника Адамса занимал позиции севернее Зеелова и 404-й народно-артиллерийский корпус полковника Фогта – южнее Зеелова. Также в районе Зеелова, Летцена и Мюнхеберга действовал тяжелый железнодорожный артиллерийский дивизион.

Всего в составе группы армий «Висла» было 754 боеготовых танка, 30 в краткосрочном и 43 в долгосрочном ремонте. Это дает боеготовность 91%, очень высокий показатель для заключительного периода войны. Распределение техники по соединениям см. в приложении.

Очевидным способом хоть в какой-то мере компенсировать количественное превосходство противника было инженерное оборудование местности. Для этого в распоряжении немецкого командования было два с половиной месяца, если считать с момента захвата первых плацдармов на Одере.

Передовая линия главной оборонительной полосы называлась «позиция Харденберг» (Hardenberg-Stellung). Она проходила по Зееловским высотам и вдоль русла Альте-Одера. «Позиция Харденберг» состояла из двух-трех линий траншей и прикрывалась инженерными заграждениями различных типов. На этой линии располагались позиции пяти зенитных полков 23-й зенитно-артиллерийской дивизии, поставивших свои орудия на прямую наводку.

53-й и 185-й полки занимали оборону в районе Кунерсдорфа и Кваппедорфа, 7-й полк – между Гузовом и Долгелином и 35-й и 140-й полки – в районе Шенфлиса.

Позади главной линии обороны находилась так называемая «позиция Штейн» (Stein-Stellung). Она должна была стать опорой для мобильных резервов, наносящих контрудары. Одновременно «позиция Штейн» должна была играть роль отсечной позиции, предотвращающей немедленный выход в тыл другим участкам главной полосы обороны. Такая же отсечная позиция была оборудована поперек шоссе Франкфурт – Берлин.

Третья оборонительная полоса, призванная предотвратить прорыв советских танковых соединений, получила наименование «позиция Вотан» (Wotan-Stellung). Поскольку материалов для ее строительства уже не хватало, «позиция Вотан» состояла из цепочки подготовленных к круговой обороне городов и деревень. Пространство между этими опорными пунктами обороны прикрывалось огнем и перегораживалось противотанковыми препятствиями. Наиболее крупными опорными пунктами «позиции Вотан» были Фюрстенвальде, Мюнхеберг, Штернебек и Эберсвальде.

Группа армий «Центр». К югу от заслона, поставленного на пути к Берлину группой армий «Висла», находились войска 4-й танковой армии, подчиненной штабу группы армий «Центр». Группа армий «Центр» была в апреле 1945 г., пожалуй, самым боеспособным объединением немецких войск, возглавлявшимся твердым и энергичным командующим.

Однако группе армий «Центр» не удалось в полной мере реализовать свой потенциал в сражении за немецкую столицу. Главной трудностью планирования оборонительного сражения, особенно в условиях острого недостатка сил, является правильная оценка замыслов противника. Немецкое командование в первой половине апреля ошибочно предполагало, что направлением главного удара Красной Армии в полосе группы армий «Центр» будет Саксония. Считалось, что такой удар приведет к разделению Германии надвое и встрече с американцами на Эльбе. То есть предполагалось, что союзниками по антигитлеровской коалиции будет применен в стратегическом масштабе традиционный для операций по уничтожению «котлов» прием дробления окруженной группировки на части и их последовательное уничтожение. Поэтому сильные резервы группы армий «Центр» были сконцентрированы не на направлении будущего главного удара 1-го Украинского фронта, а намного южнее, в районе Герлица. Крупными подвижными резервами немцы планировали сохранить связь между северной и южной Германией, удержать хотя бы узкий коридор между ними.

Под Герлицем в феврале и начале марта 1945 г. уже были собраны соединения танкового корпуса «Бранденбург» и другие танковые и танко-гренадерские дивизии. В конце марта они были усилены танковым соединением, выведенным с берлинского направления. После эвакуации Альдтамского плацдарма части 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг» 27 марта были погружены в эшелоны на Штеттинском вокзале и отправились далеко на юг. В конце февраля уже были планы передачи дивизии в состав группы армий «Центр», но тогда этому помешала Восточно-Померанская операция. Уже 29 марта первые части 10-й танковой дивизии СС были выгружены в Бризене. Однако вскоре последовал приказ Шернера следовать еще дальше на юг, в район Герлица. Еще в то время, когда некоторые части «Фрундсберга» еще были в пути из Штеттина в Бризен, дивизия была погружена в эшелоны и отправилась на новое место. 2 апреля началась разгрузка из эшелонов в районе Лихенау, к востоку от Герлица. Здесь «Фрундсберг» оставался до самого начала советского наступления. Формально дивизия на 15 апреля 1945 г. подчинялась ОКВ.

В конце марта и начале апреля 1945 г. парашютно-танковый корпус «Герман Геринг» действовал в Верхней Силезии. 11 апреля 1-я парашютно-танковая дивизия получила приказ на сосредоточение в районе Герлица. Танки и артиллерия следовали по железной дороге, а колесный транспорт был отправлен своим ходом. Сосредоточившийся в районе южнее и западнее Герлица «Герман Геринг» поступил в подчинение XXXVIII танкового корпуса. Коман-

дованию дивизии предписывалось быть в готовности к действиям в северном и восточном направлении от места дислокации. Фердинанд Шернер собрал крупные силы в районе Герлица, ожидая удара советских войск на запад и юго-запад к Эльбе на дрезденском направлении.

Поступавшая от разведки информация привела к метаниям и полумерам. 6 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» получила приказ на переброску в район Герлица. В назначенное место она прибыла 8 апреля. После четырех дней отдыха в новом месте расквартирования дивизия 12 апреля получила приказ на новый марш. К 13 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» своим ходом вышла в район Грауштайн (7 км восточнее Шпремберга). В итоге «Сопровождение фюрера» стала едва ли не единственным подвижным соединением, с самого начала сражения находившимся в подходящем для отражения советского наступления на Берлин месте. Следует отметить, что перемещения дивизии не были отслежены советской разведкой. В «Справке о группировке войск противника перед 1-м Украинским фронтом на 15.4.45 года» было сказано следующее: «Сняты с учета как отошедшие к 4-му Украинскому фронту в связи с изменением границы фронта – 16 тд и тд «Охрана фюрера» (так у нас переводили Fuehrer-Begleit-Division. – *А.И.*)»[32]. По информации разведуправления Генштаба Красной Армии о перемещениях противника с 1 по 17 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» была выведена в резерв, т.е. соединение фактически исчезло с горизонта советских разведчиков.

Также не была выявлена советской разведкой перевозка в 4-ю танковую армию 344-й пехотной дивизии. По данным разведки 1-го Украинского фронта, дивизия находилась на 14 апреля в районе Граца. 344-я пехотная дивизия была окружена и фактически разгромлена в начальной фазе Верхне-Силезской операции. Однако в Германии 1945 г. потрепанные в боях соединения быстро восстанавливали. Командовал 344-й пехотной дивизией генерал Эрвин Йолассе. Он начал войну с СССР командиром батальона, был дважды тяжело ранен (в ноябре 1941 г. и в октябре 1943 г.). Всю войну Йолассе был не пехотным, а мотопехотным командиром. 344-ю дивизию он принял в марте 1945 г.

Фронтом на восток на рубеже Нейсе оборонялись V армейский корпус и танковый корпус «Великая Германия». К 9-й армии группы армий «Висла» своим северным флангом примыкал V армейский корпус. В его состав на 15 апреля 1945 г. входили 342, 214 и 275-я пехотная дивизии и боевые группы двух эсэсовских дивизий – 35-й и 36-й.

Южнее V армейского корпуса находились позиции танкового корпуса «Великая Германия» генерала Георга Яуера. В состав корпуса к началу советского наступления входили танкогренадерская дивизия «Бранденбург», 464-я пехотная дивизия, 615-я дивизия особого назначения и боевая группа 545-й народно-гренадерской дивизии.

[32] ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2583, л. 351.

ФВ-190 разных серий на аэродроме. Справа – новейший «длинноносый» FW-190D-9 с мотором водяного охлаждения

Авиация. Для сражения за столицу Германии немецким командованием была собрана достаточно крупная авиационная группировка. Она сложилась в последние месяцы войны. На 10 января 1945 г. из 4566 боеготовых самолетов люфтваффе в 6-м воздушном флоте в Польше были собраны 822 самолета, а в 3-м воздушном флоте на западе Германии – 1304 самолета. То есть наиболее многочисленная группировка ВВС Третьего рейха была собрана в воздушном флоте, противостоящем западным союзникам СССР. Связано это было, как нетрудно догадаться, с проведением немцами наступления в Арденнах. В середине января 1945 г., с началом Висло-Одерской операции и обвалом немецкого фронта на Висле, авиасоединения истребителей и ударных самолетов начали постепенно стягиваться на берлинское направление. В итоге к 9 апреля 1945 г. распределение сил люфтваффе кардинальным образом изменилось. Впервые с 1941–1942 гг. численность одного отдельно взятого воздушного флота на Восточном фронте превысила численность самолетов в ПВО Германии, т.е. в воздушном флоте «Рейх». Авиационные силы воздушного командования «Запад» (бывший 3-й воздушный флот) вообще скукожились до 127 боеготовых самолетов, менее десятой части, имевшейся в январе 1945 г. Прореживанию подвергся также 4-й воздушный флот на южном участке советско-германского фронта, в котором осталось 328 самолетов (в январе 1945 г. их было 588). Точкой приложения основных усилий поредевших ВВС Германии стал центральный участок советско-германского фронта. Из 3331 боеготового самолета в люфтваффе в целом без малого половина, 1524 машины, были собраны в 6-м воздушном флоте на берлинском направлении. В это число входили: 641 дневной истребитель, 20 бомбардировщиков, 533 штурмовика, 86 ночных бомбардировщиков, 59 стратегических разведчиков, 185 ближних разведчиков. Таким образом, под Берлином было собрано 75% имевшихся на тот момент в люфтваффе штурмовиков (преимущественно ФВ-190) и практически половина всех дневных истребителей. В некоторой степени это напоминало ситуацию лета 1943 г., когда для проведения операции «Цитадель» немцами под Курск были стянуты крупные силы авиации за счет оголения других направлений. Помимо 6-го воздушного флота на берлинском направлении могли действовать силы воздушного флота «Рейх», т.е. ПВО Германии. В его составе на 9 апреля 1945 г. насчитывалось 993 самолета, в том числе 389 дневных и 480 ночных истребителей.

Силы и средства I. Последняя надежда тысячелетнего рейха

Что из себя представляли стоявшие у стен Берлина армии? Одной из отличительных особенностей армии, находящейся в глубоком кризисе, является раскручивание маховика мобилизации, часто с элементами хаоса. Нехватка рабочих рук в промышленности, недостаток офицеров, спешное обучение новобранцев – со всем этим приходилось мириться перед лицом грозящей стране опасности. Дивизии, корпуса и армии перемалываются в «котлах», и для поддержания боеспособности армии требуется непрерывно восполнять потери и формировать новые соединения. В той или иной форме этот процесс проходила Польша в сентябре 1939 г., Франция в июне 1940 г. и СССР в 1941 г. В Германии резкое форсирование темпов мобилизации имело место в последний год войны. Если за первое полугодие 1944 г. в действующую армию из армии резерва было передано 1 130 000 человек, за второе полугодие – 1 426 500 человек (всего за год 2 556 500 человек), то только за I квартал 1945 г. – 1 626 500 человек[33]. В отличие от «перманентной мобилизации» СССР, процесс «тотальной мобилизации» в Германии пришелся на заключительный период войны, и контингенты многих возрастов были исчерпаны. Поэтому источником пополнений стали младшие возрасты и реструктуризация армии. В феврале 1945 г. к прохождению курса военного обучения был привлечен контингент рождения 1928 г., то есть 16-летние и 17-летние подростки. В марте 1945 г. было отдано распоряжение о призыве контингента 1929 г. рождения. Реструктуризация армии происходила за счет изъятия личного состава из люфтваффе, кригсмарине и вспомогательных служб. Так, на совещании у Геббельса (назначенного имперским уполномоченным по осуществлению тотальной мобилизации) 23 января было принято решение, по которому люфтваффе к 10 февраля высвобождало 112 тыс. человек для использования в наземных боях. Наряду с передачей сухопутным войскам части своего личного состава люфтваффе сформировало четыре парашютно-десантные дивизии, с 8-й по 11-ю. Никакой парашютной подготовки у этих соединений не было, и формировались они по штатам, близким к обычным пехотным дивизиям. Изъятие личного состава производилось также из военно-морского флота. Кригсмарине передало в армию около 25 тыс. человек. Также на рубеже 1944–1945 гг. из моряков были сформированы три дивизии морской пехоты.

«Тотальная мобилизация» также неизбежно затрагивала все население ведущей войну страны. Приметой времени стали отдельные батальоны, подчинявшиеся не вооруженным силам, а национал-социалистической партии. Назывались они фольксштурм и формировались по указу Гитлера от 25 сентября 1944 г. В фольксштурм призывались способные держать оружие мужчины от 16 до 60 лет. Поскольку мужчины от 18 до 40 лет (и даже старше) уже были востребованы армией, основным контингентом фольксштурмистов стали старики. В отличие от частей вермахта, люфтваффе и войск СС батальоны фольксштурма использовались в том же районе, где их формировали. Переброски батальонов фольксштурма между различными участками фронта не практиковались. В сущности, силы призванных в фольксштурм распылялись между мелкими частями численностью до батальона. Даже попытки вооружать батальоны фольксштурма артиллерией не изменяли общей тенденции размазывания их тонким слоем по всей территории Германии. При этом сама жизнь заставляла использовать фольксштурмистов для восполнения потерь соединений вермахта.

Нумерация батальонов фольксштурма включала две цифры, разделенные дробью. Числитель обозначал номер «гау» (Gau – единицы политического деления Германии), в котором

[33] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Эксмо-Изографус, 2002. С. 453.

формировался батальон, а знаменатель – номер батальона в округе. Например, сочетание цифр 3/115 обозначало 115-й батальон в «гау» Берлин. Часто номер «гау» пропускался, и батальон фигурировал в донесениях под трехзначным номером или же назывался по имени города, в котором был создан.

Одной из главных причин формирования батальонов фольксштурма партийными чиновниками было снизившееся после 20 июля 1944 г. доверие Гитлера к армии. Партийный оттенок формирования привел к определенным трениям с вермахтом и требованию того, чтобы командиры фольксштурма были «верными и надежными национал-социалистами». Первые семь батальонов фольксштурма пошли в бой в октябре 1944 г. в Восточной Пруссии, и этот дебют был неудачным – они почти сразу же попали в плен. Боеспособность фольксштурма немецкие армейские командиры оценивали невысоко. Также были существенные претензии к темпам формирования батальонов фольксштурма. Комендант крепости Познань генерал Маттерн на допросе в плену высказался о процессе создания немецкого ополчения так: «Однако это дело – организация и создание этих формирований – было передано партийному руководству, которое подняло вокруг этого вопроса большой шум, но мало сделало»[34]. Аналогичным образом высказался генерал-лейтенант Вильгельм Райтель, командир пехотной дивизии «Бервальде», бывший начальник артиллерии 4-й танковой армии: «Фольксштурм велик по своему замыслу, но военная его значимость весьма незначительна. Тут играют роль возраст людей, плохая их военная обученность и почти полное отсутствие вооружения. Батальоны фольксштурма, которые мне довелось видеть, были очень плохо обмундированы и еще хуже вооружены»[35]. Ему вторит полковник Генрих Янус, командир полка в дивизии «Меркиш-Фридланд», воевавший на Востоке в 1941–1942 гг.: «Фольксштурм, как военная сила, не оправдал себя, немецкое военное командование в расчеты формирований фольксштурма не принимает еще и потому, что фольксштурм подчинен не военному, а политическому руководству»[36].

В целом концепция «народной войны» пустила глубокие корни в Германии последних месяцев войны. В частности, было создано семейство стрелкового оружия «Фольксгевер» (народная винтовка), создававшееся специально для фольксштурма. Это были упрощенные образцы магазинных винтовок под стандартный винтовочный патрон 7,92X57 мм. В рамках программы «народного» вооружения был даже разработан и запущен в серийное производство реактивный истребитель Hc-162.

Несмотря на декларации относительно народной войны и сопутствующие декларациям мероприятия вроде формирования фольксштурма, наиболее эффективным средством борьбы в руках немецкого командования оставались танковые и моторизованные соединения. Большинство немецких подвижных соединений, действовавших в полосе 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, опирались на штаты, разработанные в 1944 г. Штат немецкой танковой дивизии апреля 1944 г. предусматривал численность личного состава соединения 14 727 человек при «боевой численности» (Kampfstaerke) 9307 человек. Ядром танковой дивизии образца 1944 г. был танковый полк двухбатальонного состава. Один батальон должен был вооружаться танками Pz.Kpfw.IV, а второй – Pz.Kpfw.V «Пантера». По своей структуре батальоны были идентичными и состояли из четырех рот по 22 танка в каждой и штабной роты из трех командирских машин. Новинкой в штате было включение в штабную роту специальных зенитных танков – четырех 37-мм автоматических зенитных пушек на шасси Pz.Kpfw.IV. В ноябре 1944 г. последовали сокращения штатов танковых рот: теперь по штатам K.St.N.1177 Ausf.A, Ausf.B и K.St.N.1177a насчитывалось по 17, 14 и 10 танков соответственно. Иногда в

[34] ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 154, л. 49.

[35] Там же, л. 45.

[36] Там же, л. 59.

танковые полки танковых дивизий попадали «Хетцеры», разработанные изначально для противотанковых дивизионов пехотных дивизий.

Изменения в ходе войны затрагивали преимущественно танковый полк соединений. В целом организация немецкой танковой дивизии не претерпела существенных изменений, вносившиеся коррективы касались в основном перевооружения на новую технику. Так, противотанковый дивизион теперь вооружался самоходными, полностью бронированными истребителями танков. Как правило, в этой роли выступали САУ «Штурмгешюц», но в 1945 г. все чаще встречались Jagdpanzer IV/L70(V) с 75-мм пушкой с длиной ствола 70 калибров. По штату предполагалось иметь в дивизионе две роты по 14 САУ и 3 САУ в роте управления. При этом в противотанковом дивизионе сохранялась одна батарея буксируемых 75-мм противотанковых пушек (12 орудий). Видимо, считалось необходимым сохранить некоторое количество буксируемых пушек в роли универсальных орудий, помимо своего прямого назначения способных участвовать в артиллерийской подготовке.

По-прежнему (фактически неизменно с начала войны) в танковой дивизии мотопехота была представлена двумя танко-гренадерскими (мотопехотными) полками двухбатальонного состава. Мотоциклетный батальон, сделавший мотоциклистов одним из символов «блицкригов», из штата 1944 г. исключался. По штату 1944 г. предполагалось иметь один из четырех мотопехотных батальонов на БТР «Ганомаг». Кроме того, в дивизии был разведывательный батальон, по организационной структуре близкий к мотопехотному батальону на БТР. В его составе было 56 БТР Sd.Kfz.251, 16 бронеавтомобилей Sd.Kfz.234 (16 машин с 20-мм пушкой, 3 машины с 75-мм короткоствольной пушкой) и 55 Sd.Kfz.250. Всего в танковой дивизии по штату было 290 бронетранспортеров, включенных не только в состав мотопехотных батальонов, но и в состав саперных и артиллерийских подразделений. Основной задачей БТР была защита личного состава от осколков снарядов и авиабомб противника. Поэтому БТР включались в звенья управления – штабные роты частей. Противоосколочное бронирование бронетранспортеров должно было повысить выживаемость офицеров и снизить вероятность потери управления. Также с целью защиты от осколков в дивизии имелись самоходные артиллерийские установки в артиллерийском полку. Один из дивизионов артиллерийского полка вооружался САУ «Хуммель» и «Веспе» с 150-мм и 105-мм гаубицами соответственно. Точно так же структура танковой дивизии была пронизана зенитными средствами. Несмотря на наличие зенитного дивизиона, почти все части дивизии имели свои собственные 20-мм зенитные автоматы в количестве двух-трех единиц. Они присутствовали в каждом дивизионе артиллерийского полка, в ротах поддержки мотопехотных батальонов (по шесть единиц). В танковом полку были зенитные САУ на танковом шасси и шасси полугусеничного тягача, в разведывательном батальоне – на шасси БТР и в штабе дивизии – на шасси полугусеничного тягача.

Существенные изменения в штатах 1944 г. коснулись структуры танко-гренадерских дивизий. Период увлечения танко-гренадерскими дивизиями в 1943 г. прошел. Теперь дивизии выровняли под структуру обычной пехотной дивизии, только на автомашинах. Так же как и пехотные дивизии, ядро танко-гренадерских состояло из шести батальонов. Вместо танкового батальона в мотопехотной дивизии 1942 г. они получали батальон САУ «Штурмгешюц» из трех рот по 14 самоходок в каждой. На практике батальоны САУ танко-гренадерских дивизий действовали в смешанном составе – в них встречались и «Штурмгешюцы», и Jagdpanzer (общее название полностью бронированных истребителей танков), и Pz.Kpfw.IV, и «Пантеры». Помимо батальона «Штурмгешюцев» САУ этого типа могли присутствовать в двух ротах истребительно-противотанкового дивизиона соединения. Таким образом, танко-гренадерские дивизии стали одной из точек накопления «Штурмгешюцев» в вермахте и войсках СС. САУ «Хуммель» и «Веспе» в артиллерийском полку танко-гренадерских дивизий по штату отсутствовали, оставаясь привилегией танковых дивизий. Мотопехотные батальоны на БТР в танко-гренадерской дивизии по штату также отсутствовали.

По средней численности танкового парка немецкие танковые и танко-гренадерские дивизии, как правило, уступали аналогичным соединениям противника. Однако завершающий период войны характеризовался созданием в Германии совершенных образцов танков и самоходных установок, превосходивших по ряду параметров технику противника. Немцам удалось спроектировать и запустить в серийное производство в разгар войны новый средний танк для самостоятельных механизированных соединений – Pz.Kpfw.V «Пантера». Он был создан на основе опыта начального периода войны и по уровню бронезащиты и вооружения превосходил аналогичные по своему назначению танки союзников – Т-34, «Шерман» и «Кромвель». Попытки сравнивать «Пантеру» с ИС-2, основываясь на примерном равенстве массы этих двух танков, на самом деле некорректны. ИС-2 был танком качественного усиления, т.е. боевой машиной, придававшейся отдельными полками стрелковым и механизированным соединениям на направлении главного удара. Аналогом ИСов в германской армии были тяжелые танки «Королевский тигр». «Пантера» штатно шла на укомплектование танковых полков самостоятельных механизированных соединений – основной единицы ведения маневренных действий. В этом качестве «Пантера» отвечала требованиям второй половины войны: сильно бронированный лоб, 75-мм пушка в 70 калибров длиной. В последний год войны на «Пантерах» были постепенно устранены «детские болезни». В частности, маска орудия получила «бороду», препятствующую рикошету попавших в нее снарядов в крышу корпуса. К концу войны танки все чаще стали привлекаться для борьбы с бронеобъектами – танками и САУ противника. Длинноствольное орудие «Пантеры» было для этого как нельзя более подходящим. Его бронебойные снаряды были способны поражать даже ИС-2. Аналогичное по баллистике 75-мм 70-калиберное орудие устанавливалось на истребители танков PanzerjagerIV/L70(V). Эти САУ ввиду своих высоких характеристик иногда вводились в танковые батальоны вместо танков Pz.Kpfw.IV и Pz.Kpfw.V «Пантера». В целом орудия с высокими характеристиками стали отличительной чертой немецких танков и САУ второй половины войны.

Помимо танковых и танко-гренадерских дивизий в вермахте и войсках СС существовали части качественного усиления – тяжелые танковые батальоны и бригады штурмовых орудий. Тяжелые танковые батальоны вооружались танками «Тигр». К 1945 г. они были практически полностью перевооружены на танки «Королевский тигр». Замысел вооружения вермахта тяжелым танком появился еще до нападения на СССР. На совещании, проводившемся 26 мая 1941 г., задачи тяжелого танка формулировались как создание «стержня (Spitze) из 20 тяжелых танков для каждой танковой дивизии». Они должны были иметь повышенные возможности поражения танков противника и лучшую защиту. Идея создания машины, обладающей мощными противотанковыми возможностями и эффективной защитой, последовательно реализовывалась немцами. Задача вооружения танка длинноствольной 88-мм пушкой с баллистикой зенитки Flak41 была поставлена, еще когда «Тигр» только-только начинал разворачиваться. Несмотря на все возникшие сложности, новый 68-тонный тяжелый танк был запущен в производство и сравнительно широко применялся в 1945 г. Выдвинутая в мае 1941 г. идея «стержня» танковой дивизии, однако, не получила реализации на практике. «Тигриные» роты просуществовали короткое время в нескольких элитных соединениях. В дальнейшем «Тигры» попадали в танковые полки разве что вследствие хаоса снабжения бронетехникой. Основной формой организации для «Тигров» был тяжелый танковый батальон – отдельная часть, которая могла быть придана как единое целое или отдельными ротами пехотному, танковому или танко-гренадерскому соединению. По существовавшему на начало 1945 г. штату батальон «Тигров» насчитывал 45 тяжелых танков (три роты по 14 танков и 3 танка в штабе батальона), 5 ремонтно-эвакуационных танков («Бергепантера»), 11 зенитных танков, 34 тягача и 171 автомобиль.

Основной проблемой немецких танков новых типов были слабые маршевые возможности. То есть при совершении длительных маршей они быстро выходили из строя. Этот недоста-

ток был особенно чувствительным в условиях преимущественно оборонительных боев. В обороне часто не удавалось угадать направление удара противника, и танковые соединения были вынуждены форсированным маршем выдвигаться к месту прорыва уже в разгар боев. Усугублялась ситуация нехваткой топлива. Вследствие этого немало «Тигров» и «Пантер» было попросту брошено на обочинах дорог из-за поломок и израсходования топлива. Однако перенос боевых действий на территорию Германии существенно ограничил пространство, на котором велись боевые действия. Расстояние, которое нужно было проходить в процессе оборонительных боев, сократилось. Поэтому иногда даже капризные «Королевские тигры» проходили необходимое для решения поставленных задач расстояние.

Второй после батальонов «Тигров» разновидностью частей качественного усиления были бригады САУ «Штурмгешюц». Батальоны штурмовых орудий существовали с первого дня войны с СССР, и роль САУ этого типа неуклонно возрастала. В 1944 г. батальоны «Штурмгешюцев» переименовали в бригады с сохранением прежней нумерации. К 1945 г. было два штата бригады штурмовых орудий: 45 машин (33 штурмовых орудия StuG и 12 штурмовых гаубиц StuH) и 31 машина (22 штурмовых орудия StuG и 9 штурмовых гаубиц StuH). Более распространенным был второй вариант организации. В советских мемуарах штурмовые орудия чаще всего проходят под наименованием «Фердинанд». В завершающем периоде войны в штат бригад «Штурмгешюцев» включили пехотинцев в форме «гренадерской батареи сопровождения» (Begleitgrenadier-Batterie) по штату K.St.N.448 от 1 декабря 1944 г. По своей структуре «батарея сопровождения» представляла собой роту из трех взводов пехотинцев и взвода саперов. Основным вооружением пехотных взводов были «Штурмгеверы».Отделения взводов численностью по 11 человек вооружались 7 «Штурмгеверами», 3 самозарядными винтовками и 1 пулеметом. Всего в составе «батареи сопровождения» было 2 офицера, 28 унтер-офицеров и 168 рядовых, вооруженных 61 карабином, 27 самозарядными винтовками и 96 «Штурмгеверами».

Несмотря на то что Вторая мировая война получила наименование «войны моторов», большая часть войск враждующих сторон передвигалась пешим порядком. Подход в СССР и Германии к штатной организации пехоты был принципиально различным. В СССР разрабатывался некий теоретически обоснованный штат, который на практике соблюдался при переформировании соединения или же формировании дивизии с нуля. Находящиеся на фронте соединения чаще всего заметно отличались по своему численному составу от назначенного штата. Особенно ярко это проявлялось во второй половине войны, когда дивизии реже выводили на переформирование. В Германии штат приближали к реальному состоянию дивизий на фронте. Если несколько упростить этот процесс, то немецкое командование закрепляло уже сложившуюся практику как новый штат. После тяжелых боев 1941–1942 гг. многие дивизии на Восточном фронте воевали в шестибатальонном составе. Это означало, что три потрепанных пехотных батальона в полку сводились в два удовлетворительной комплектности. После Курской дуги эта практика была закреплена. Осенью 1943 г. был введен штат пехотной дивизии «нового образца» (nA), в которой трехбатальонные пехотные полки заменялись на двухбатальонные. Таким образом, количество пехотных батальонов в дивизии падало с девяти до шести. Разведывательный батальон, который был одной из немногих моторизованных частей немецкой пехотной дивизии, переформировывался в дивизионный фузилерный батальон, по организации аналогичный пехотным батальонам. Последнее нововведение отражало сложившуюся в войсках практику, когда разведывательный батальон применялся как пехотный. Отличие было только в том, что он подчинялся непосредственно штабу дивизии. Общая численность личного состава дивизии «нового образца» составляла 13 674 человека, в том числе 1774 человека в тыловых частях дивизионного подчинения. Это было существенно меньше численности личного состава в старой девятибатальонной дивизии – 16 тыс. человек (в том числе 2 тыс. человек тыловых частей).

В сущности, нехватка личного состава привела к постепенной деградации немецкой пехоты, которая в начальном периоде войны являлась опорной плитой «блицкригов». В заслонах из пехотных дивизий увязали контрудары советских мехкорпусов в июне 1941 г., пехотные дивизии принимали и добивали окруженных в многочисленных «котлах». Изначально ослабленные пехотные дивизии второй половины войны уже не были способны на те достижения, которые были обычными в 1941 г. Дивизии «похудели» и лишились возможности формирования подвижных боевых групп из разведывательного батальона, противотанкистов и саперов.

В 1944 г. развитие организации немецкой пехотной дивизии продолжилось в плоскости снижения численности личного состава. Появился штат «пехотной дивизии 44» (I.D.44). Общая численность личного состава ПД-44 сокращалась до 12 769 человек (333 офицера, 70 чиновников, 2153 унтер-офицера и 10 213 рядовых). Из общей численности 12 769 человек 2380 человек было в тыловых частях и 750 человек – в запасном батальоне. Вместо 5072 лошадей в пехотной дивизии «нового образца» в ПД-44 было 3979 лошадей. Численность автомобильного парка сокращалась незначительно. Если в дивизии «нового образца» полагалось по штату 147 легковых автомобилей и 305 грузовых, то в дивизии-44–145 легковых и 303 грузовых. Количество мотоциклов сокращалось со 156 до 141[37]. Штатная численность «добровольных помощников» (Hiwi) дивизии уменьшалась с 1637 до 1466 человек (1164 в передовых подразделениях и 302 в тылах). Численность немецкого персонала ПД-44 составляла, таким образом, 11 303 человека[38]. Штатная «боевая численность» (Kampfstaerke) ПД-44 составляла 6410 человек (без учета запасного батальона). Следует отметить, что формирования войск СС не копировали существовавших в вермахте штатов. В частности, войск СС не коснулся переход на организацию пехотной дивизии «нового образца». Поэтому штат добровольческой пехотной дивизии СС был более многочисленным – 16 763 человека (в том числе 1755 человек в тыловых частях)[39]. Доля «хиви» в добровольческой пехотной дивизии СС в передовых и тыловых частях составляла 1125 и 414 человек соответственно. Как мы видим, штатно добровольческая дивизия СС была ближе к пехотной дивизии начального периода войны, нежели изыскам 1943 и 1944 гг.

Снижение количества личного состава стремились компенсировать техникой. Важным новшеством в организации дивизий «нового образца» и ПД-44 стало их насыщение полностью бронированными САУ, способными бороться с танками. С самого начала войны стандартным для пехотных дивизий был противотанковый дивизион, оснащенный буксируемой артиллерией. Поначалу буксируемые противотанковые пушки только усиливались качественно: вместо «дверных молотков» (37-мм ПАК-35/36) немецкая пехота получила сначала 50-мм ПАК-38, а с 1942 г. во все возрастающих количествах противотанковая артиллерия дивизий стала получать 75-мм противотанковые орудия. Самоходная противотанковая артиллерия поначалу была привилегией подвижных соединений. В пехотной дивизии «нового образца» 1943 г. в противотанковом дивизионе по штату полагалось две роты по двенадцать 75-мм противотанковых пушек.

Однако качественный скачок произошел в середине войны, когда в вермахте все большую роль стали играть САУ «Штурмгешюц». Разумеется, не обошла эта мода стороной пехотные дивизии. По штату ПД-44 один из противотанковых дивизионов перевооружался по штату K.St.N.1149 от 1 февраля 1944 г. на роту САУ «Штурмгешюц». Версия этого штата Ausf.A предусматривала 10 самоходок, версия Ausf.B – 14. Таким образом, противотанковый дивизион пехотной дивизии 1944 г. состоял из роты буксируемых 75-мм противотанковых пушек (12 орудий), роты САУ «Штурмгешюц» и роты зенитных орудий. Эта организация не была

[37] NARA T78 R399 F6368791.

[38] NARA T78 R399 F6368802.

[39] NARA T78 R399 F6368850.

оторвана от реальности. Именно такую структуру и численность орудий и САУ имел, например, противотанковый дивизион 309-й пехотной дивизии «Берлин», державшей оборону перед Кюстринским плацдармом.

Однако САУ «Штурмгешюц» была довольно дорогим удовольствием для ее разбазаривания по пехотным дивизиям. Решение было найдено к 1944 г. В августе – сентябре 1943 г. инженерами фирмы BMM (Boehmisch-Mahrish-Maschinenfabrik – так в оккупации назывался чехословацкий завод ЧКД) был разработан эскизный проект легкой, полностью бронированной САУ, функционально аналогичной «Штурмгешюцу». Первоначально предполагалось развернуть на мощностях BMM производство StuG.IV, однако перестройка производства была бы слишком долгой, и инженеры чехословацкого завода выдвинули предложение построить самоходку по собственному проекту. Проект был одобрен, воплощен в металле, а уже в апреле 1944 г. началось серийное производство САУ под названием «75-мм штурмовое орудие нового типа на шасси Pz.Kpfw.38(t)» (Sturmgeschutz nA mit 7,5 cm PaK 39 L/48 Auf Fahzgestell PzKpfw 38(t)). Шасси САУ было разработано на основе узлов и агрегатов легкого танка Pz.Kpfw.38(t), однако полной взаимозаменяемости с легким танком не было. «Штурмовое орудие нового типа» было полностью бронировано, причем лобовая броня толщиной 60 мм под большим углом наклона могла держать не только осколки, но и снаряды танковых орудий. Вооружалась самоходка 75-мм орудием длиной ствола 48 калибров в маске «свиное рыло». Важным преимуществом орудия было отсутствие дульного тормоза, поднимающего облака пыли при стрельбе. Основным достоинством САУ фирмы BMM была дешевизна и простота в производстве. Фактически был создан массовый аналог хорошо себя зарекомендовавшего «Штурмгешюца».

В августе 1944 г. были созданы первые четыре роты истребителей танков на «штурмовых орудиях нового типа» в составе 15, 76, 335-й пехотных дивизий и 20-й дивизии войск СС. В сентябре 1944 г. началось формирование рот истребителей танков в составе гренадерских (пехотных), народно-гренадерских и дивизий войск СС. По штату в роте должно было быть 14 САУ: три взвода по четыре линейных истребителя танков плюс один командирский (с дополнительной радиостанцией Fu8) и один линейный во взводе управления. С 4 декабря 1944 г. самоходка получила наименование «Хетцер» (егерь, прикармливающий зверя).

Помимо противотанковых рот пехотных дивизий «Хетцерами» вооружались отдельные роты истребителей танков корпусного и армейского подчинения. В частности, на берлинском направлении действовала 1129-я отдельная рота истребителей танков в составе V горного корпуса СС. На 15 марта 1945 г. была сформирована 81 рота истребителей танков, из которых 51 рота действовала на советско-германском фронте (529 «Хетцеров», из них 359 исправно). К 10 апреля 1945 г. на советско-германском фронте было 915 «Хетцеров» при общем числе танков и САУ на Востоке 3851 машина. То есть Jagdpanzer 38 «Хетцер» составляли почти четверть от общей численности бронеединиц на Восточном фронте. Как замена 75-мм буксируемых противотанковых пушек «Хетцеры» были переходом на качественно новый уровень. Теперь выживаемость противотанковой артиллерии пехотных дивизий существенно повысилась. Jagdpanzer 38 мог защитить экипаж не только от осколков снарядов и авиабомб в период артиллерийской и авиационной подготовки наступления, но и от ответного огня наступающих танков.

Появление «Хетцера», разумеется, не означало отказа от «Штурмгешюцев» как таковых. Последние модификации САУ StuG.III и StuG.IV были намного совершеннее примитивного «Хетцера»: просторное боевое отделение, командирская башенка. «Штурмгешюцы» оставались во многих пехотных дивизиях до самого конца войны. Они в 1945 г. также оставались в составе отдельных бригад и включались в состав танковых и танко-гренадерских дивизий. «Штурмгешюцы» были едва ли не самым распространенным типом немецкой бронетехники в конце войны. Из 3851 танка и САУ на Восточном фронте на 10 апреля 1945 г. «Штурмгешюцев» разных типов (StuG.III, StuH.42 и StugG.IV) было 1211 штук, т.е. около трети.

Снижение качества подготовки немецкой пехоты нарушило отлаженное взаимодействие между пехотой и САУ «Штурмгешюц» или другими САУ, выступавшими в роли истребителей танков. Поэтому 20 октября 1944 г. во все группы армий и отдельные армии было разослано распоряжение об организации «взвода сопровождения» (Grenadier-Begleitzuegen) для САУ «Штурмгешюц» и истребителей танков в пехотных, гренадерских, народно-гренадерских, горных и егерских дивизиях. Решение было по сути аналогичным формированию «батарей сопровождения» в бригадах штурмовых орудий, о которых было сказано выше. Необходимость такого подразделения в пехотных соединениях формулировалась следующим образом:

«Практический опыт неизменно свидетельствует, что повсюду, где противотанковые САУ и штурмовые орудия применяются в тесном взаимодействии с пехотой, даже при использовании небольших сил достигаются решительные успехи в наступлении и обороне. Там, где это взаимодействие было плохо организовано или отсутствовало вовсе, боевые задачи часто не выполнялись или выполнялись с непропорционально высокими потерями. Поэтому штурмовые орудия и противотанковые САУ не должны действовать в одиночку ни в одной фазе боя»[40].

Пехотинцам, выделенным для прикрытия САУ, нужно было пройти специальный курс обучения, причем в приказе было сказано: «В гренадерское сопровождение выделяются лучшие бойцы дивизии». Предполагалось каждую батарею САУ эскортировать на поле боя отделением пехотинцев. По штату взвод сопровождения состоял из 1 офицера, 5 унтер-офицеров и 55 рядовых[41]. Вооружение взвода составляли 58 «Штурмгеверов» и 3 карабина. Таким образом, сопровождающие САУ пехотинцы поголовно вооружались автоматическим оружием. Карабинами вооружались водители транспортных средств взвода – мотоцикла и автомобиля. В составе немецкого «взвода сопровождения» также было 12 саперов.

Несмотря на сохранившееся до конца войны стремление немцев держать сильное артиллерийское звено в дивизиях, Германию затронула общая тенденция укрупнения организационных структур артиллерии. Первой ласточкой на этом поприще стала 18-я артиллерийская дивизия, сформированная по указанию фюрера 07.09.1943 г. (согласно журналу боевой деятельности организационного отдела Генерального штаба) на базе расформированной 18-й танковой дивизии. Следующим этапом стало создание так называемых народно-артиллерийских корпусов. Они были сформированы путем сведения частей артиллерии резерва ОКХ. Каждый корпус насчитывал в своем составе от 13 до 15 батарей, то есть народно-артиллерийские корпуса были несколько сильнее, чем дивизионные артиллерийские полки.

Например, 405-й народно-артиллерийский корпус состоял из:

восемнадцати 75-мм полевых орудий (Feldkanonen 40);

восемнадцати 105-мм легких полевых гаубиц (leFH18/40);

двенадцати 105-мм пушек (Kanone 18);

двенадцати 122-мм трофейных советских гаубиц (schwere feldhaubitze 396 (r));

двенадцати 152-мм трофейных советских гаубиц (Feldhaubitze 433 (r)).

Такое вооружение было типичным для народно-артиллерийских корпусов заключительного периода войны.

[40] NARA T78 R418 F6387862.

[41] NARA T78 R418 F6387865.

Силы и средства II. Стальной кулак и воздушный молот

Танки, танковые части и соединения были одними из главных героев Второй мировой войны. Во второй половине войны организация танковых и самоходно-артиллерийских частей и соединений Красной Армии отличалась большим разнообразием. Если в июне 1941 г. танковые соединения были скроены по одному шаблону, то в 1945 г. от форм и видов организации бронетанковых частей рябило в глазах. Однако у них существовала четкая иерархия. Т-34, промелькнувший в хронике или запечатленный на фотографии, мог быть чернорабочим войны, а мог принадлежать к элитному соединению. С первого взгляда, без точной идентификации снимка или фрагмента хроники, этого понять было нельзя.

Низшей формой существования танков были отдельные танковые полки. Они предназначались для непосредственной поддержки пехоты и подчинялись общевойсковым командирам. Собственно, такое применение танков было известно еще в Первую мировую войну. Они поддерживали атаку пехоты, становясь для нее тараном и щитом. По штату отдельный танковый полк насчитывал 21 танк. В 1945 г. это чаще всего были Т-34–85. В том же формате существовали тяжелые танки ИС-2. Однако части, вооруженные ИСами, назывались отдельными тяжелыми танковыми полками (оттп), и с момента формирования им присваивалось гвардейское звание. По штату полк насчитывал 21 ИС-2 и 374 человека личного состава. Первая задача полков ИСов была аналогична обычным отдельным танковым полкам – непосредственная поддержка пехоты. Однако высокие характеристики ИСов выделяли их из рядов чернорабочих войны. Отдельные гвардейские тяжелые танковые полки чаще всего были средством РГК, придававшимся стрелковым соединениям на направлении главного удара.

Второй задачей полков на ИСах была поддержка механизированных соединений. Здесь они решали задачу борьбы с тяжелой бронетехникой противника. Фактически в СССР была реализована предложенная немцами в мае 1941 г. для «Тигров» схема «стержня» танковых дивизий. Многие советские танковые и механизированные корпуса получили такой «стержень» – полк ИСов.

Отдельные танковые бригады были следующей после полков ступенькой в организации танковых войск. По сути своей танковая бригада была готовой боевой группой, включавшей танки, мотопехоту, легкую артиллерию и инженерные средства под управлением одного командира. Однако отдельные танковые бригады все еще оставались средством непосредственной поддержки пехоты. Они отдавались в подчинение общевойсковых командиров и действовали вместе со стрелковыми частями и соединениями. Характер их использования не сильно отличался от английских «ромбов» в 1916 г. Никаких глубоких прорывов от них не ожидалось. Хотя бы ввиду малочисленности: по существовавшему в 1945 г. штату танковая бригада насчитывала 65 танков Т-34 и батальон мотопехоты. Отдельные тяжелые танковые бригады в этом отношении не были исключением, менялся только основной тип танка – в них насчитывалось по 65 ИСов. Тяжелые танковые бригады были мощным тараном для взлома обороны противника на направлении главного удара, оставаясь при этом средством непосредственной поддержки пехоты. Надо сказать, что к 1945 г. часть функций по непосредственной поддержке пехоты взяли на себя САУ. Но о них речь пойдет чуть позже.

От танковых бригад оставался всего один шаг до самостоятельного механизированного соединения, каковым являлся танковый или механизированный корпус. Появившись в 1941 г., танковые бригады стали тем «кубиком», из которых с 1942 г. собиралось ядро танкового корпуса. Танковый корпус 1945 г. включал три танковых и одну мотострелковую бригаду. Такое соединение уже могло использоваться для глубокого прорыва и самостоятельных действий в

глубине. Это уже была высшая форма существования танков, хотя внешне все оставалось неизменным: бригады корпусов по штату имели все те же 65 танков Т-34–85. Танковые армии, объединявшие два-три танковых и механизированных корпуса, становились средством окружения крупных группировок противника. Это была элита танковых войск, могучий, но тонкий и сложный инструмент ведения войны. Их старались беречь во время прорыва обороны противника, чтобы затем бросить в образовавшуюся брешь для охвата и обхода, разгрома резервов, а также для захвата важных пунктов в глубине. Именно самостоятельные танковые соединения определили лицо Второй мировой войны.

Танк ИС-2 на улице немецкого города. Тяжелые ИСы применялись в основном в полках и бригадах непосредственной поддержки пехоты

Общемировые тенденции развития вооруженных сил неизбежно затрагивали армию СССР. Если в начале войны самоходная артиллерия была сравнительно мало распространена, то в 1944–1945 гг. доля САУ в общем числе бронетехники существенно возросла. В ходе

войны Красная Армия также постепенно насыщалась самоходно-артиллерийскими установками, дополнявшими танки и заменявшими артиллерию. Перед началом Висло-Одерской операции в войсках 1-го Белорусского фронта насчитывалось 1950 танков и 1245 САУ, т.е. САУ составляли почти 40% всей бронетехники. При этом значительная часть танков входила в танковые армии, повышая тем самым долю САУ в подчинении стрелковых соединений. В Берлинской операции в составе 1-го Белорусского фронта насчитывалось уже 1417 САУ различных типов.

Самой распространенной САУ Красной Армии была СУ-76. Она не была столь же защищенной, как серия ИСУ (на шасси тяжелых танков ИС) или даже СУ-85/СУ-100, но создание СУ-76 означало появление в Красной Армии самоходного лафета для основного дивизионного орудия. Тем самым 76-мм артиллерия получала возможность сопровождать наступающие части в атаке своим ходом, а не перекатыванием на руках. При этом расчет самоходного орудия не лишался нормального обзора, как это было на полностью защищенных броней САУ. К.К. Рокоссовский писал: «Особенно полюбились солдатам самоходные артиллерийские установки СУ-76. Эти легкие, подвижные машины поспевали всюду, чтобы своим огнем и гусеницами поддержать, выручить пехоту, а пехотинцы, в свою очередь, готовы были защитить их от огня вражеских бронебойщиков и фаустников»[42]. Следует отметить, что в производственном отношении СУ-76 была наследником танка Т-70. Выпуск этих танков был свернут в пользу СУ-76, загрузив мощности советского автомобильного производства.

Первоначально полки САУ в Красной Армии были средством РГК. Постепенно они стали включаться в состав механизированных соединений и объединений. Танковые армии с апреля 1943 г. получили два штатных самоходно-артиллерийских полка. Еще раньше, в январе 1943 г., в штат танкового и механизированного корпуса включили полк САУ смешанного состава (СУ-76 и СУ-122). В середине 1943 г. эти полки были переведены на штат № 08/218 тяжелого самоходно-артиллерийского полка (361 человек, 12 СУ-152). В конце 1943 г. взамен истребительно-противотанкового полка с буксируемыми пушками в состав танкового и механизированного корпуса стали включаться полки СУ-76 штата № 010/484 (225 человек, 21 СУ-76), а вместо истребительно-противотанкового дивизиона – полк СУ-85 штата № 010/483 (230 человек, 16 СУ-85 и 1 Т-34 во взводе управления). Кавалерия также не была обойдена вниманием – с середины 1943 г. в состав кавалерийского корпуса включался полк СУ-76.

Спецификой организации советской самоходной артиллерии последнего периода войны стало включение в штат полков и бригад САУ мотострелков и саперов. По штату № 010/462 самоходно-артиллерийского полка РВГК на СУ-85 (позднее СУ-100) и штату № 010/461 самоходно-артиллерийского полка ИСУ-152 помимо четырех батарей САУ в подчинении штаба полка была рота автоматчиков и саперный взвод. В самоходно-артиллерийской бригаде на СУ-76 штата № 010/508 1944 г. был целый батальон автоматчиков. Тем самым самоходные установки получили свою собственную, закрепленную за ними мотопехоту. Все говорит о том, что, столкнувшись с проблемой взаимодействия придаваемых САУ и поддерживаемой пехоты, ее решили в лоб, включением минимально необходимого числа пехотинцев в полк САУ. Следует отметить, что немецкое командование пришло в самом конце войны к абсолютно аналогичному решению – «батареям сопровождения» в бригадах штурмовых орудий. Своя пехота в самоходно-артиллерийских частях позволяла сглаживать проблемы взаимодействия при подчинении полков САУ пехотным соединениям. Изначально обученные для совместных действий с самоходками пехотинцы, несомненно, были надежнее назначенных на бегу, за несколько часов до боя бойцов.

Самоходную артиллерию в конце войны также получили даже стрелковые дивизии Красной Армии. В начале 1944 г. был утвержден штат № 04/434 самоходно-артиллерийского

[42] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. С. 322.

дивизиона трехбатарейного состава (184 человека, 12 СУ-76 и 1 СУ-76 или Т-70 во взводе управления). Сформированные по этому штату отдельные самоходно-артиллерийские дивизионы (ОСАД) заменили в ряде стрелковых дивизий отдельные истребительно-противотанковые дивизионы. Не все стрелковые дивизии успели до конца войны получить дивизионы СУ-76 и остались с буксируемой артиллерией в качестве дивизионного противотанкового средства. Таким образом, организационно СУ-76 выступали в той же роли, что и «Хетцеры» в немецких пехотных соединениях. СУ-76, конечно, была неважным танкоборцем вследствие слабого бронирования. После войны стрелковые дивизии получили танкосамоходный полк с СУ-100. Однако включение в стрелковые и подвижные соединения этой самоходки было, безусловно, шагом вперед по сравнению с буксируемыми противотанковыми пушками 45-мм, 57-мм или 76-мм калибра.

Существенным пробелом в структуре и материальной части советской самоходной артиллерии было отсутствие САУ в артиллерийских полках соединений. В СССР САУ с орудиями навесного огня не имелось. Отсутствие САУ этого класса оставалось существенным недостатком в системе вооружения армии СССР до 1960-х годов. Установка в ходе войны на бронированное шасси артсистем, конструктивно аналогичных орудиям навесного огня, таких как 122-мм гаубицы М-30 (СУ-122) или 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 (ИСУ-152), лишала их возможности вести огонь подобно своим несамоходным прародителям. Ничего подобного немецким «Веспе» и «Хуммелям» и американским «Пристам» в Красной Армии не было. Это существенно снижало возможности самостоятельных действий советских танковых и механизированных корпусов – самоходки у немцев и союзников шли в наиболее ценные самостоятельные механизированные соединения. Наличие САУ в артиллерийском полку способствовало выживаемости артиллерии в обороне и наступлении.

Если в 1941 г. больным местом РККА были механизированные части и соединения, то в 1945 г. слабым местом Красной Армии были стрелковые дивизии. Причем проблема была отнюдь не в несоответствии штатной структуры соединения его задачам в бою и операции. Штаты стрелковых дивизий прошли проверку четырьмя годами войны, эволюционировали в сторону улучшения управляемости и боевых возможностей. Однако реальная численность личного состава как гвардейских, так и обычных стрелковых дивизий была в 1945 г. едва ли не вдвое ниже штатной. Сам штат стал абстракцией, влиявшей в большей степени на артиллерийское вооружение дивизий.

Советская пехота на марше. У одного из бойцов виден «фаустпатрон» на плече

В сущности, Красная Армия в середине войны столкнулась с той же проблемой нехватки личного состава, которая терзала вермахт. Бешеная гонка формирования новых соединений для восстановления фронта после окружений 1941–1942 гг. завершилась, и в полный рост встала проблема поддержания численности имеющихся дивизий. Для решения этой проблемы летом 1943 г. был принят урезанный штат стрелкового полка в дивизии штата №05/550. Общая численность стрелкового полка снизилась с 2443 человек до 2017 человек. Соответственно общая численность стрелковой дивизии по штату №05/550 теперь составляла 9380 человек.

Последние штаты стрелковых соединений были приняты в декабре 1944 г. Это были штаты № 05/40 от 18 декабря 1944 г. гвардейской и обычной стрелковых дивизий. По штату в гвардейской стрелковой дивизии должно было быть 11 706 человек, 1155 лошадей, 342 автомашины, 77 автотягачей, 53 мотоцикла. Пехотным ядром соединения были три стрелковых полка, численностью по 2725 человек каждый. В свою очередь, стрелковые полки разделялись на три батальона. По штату батальон насчитывал 670 человек. Отражением опыта войны было наличие в структуре полка двух рот автоматчиков численностью по 98 человек. Штатная численность стрелковой роты стрелкового батальона была 144 человека. Помимо стрелковых рот в батальоне были пулеметная, минометная роты и батарея противотанковых пушек.

Артиллерийское вооружение гвардейской стрелковой дивизии штата №05/40 состояло из восемнадцати 45-мм противотанковых пушек, восемнадцати 57-мм противотанковых пушек, двенадцати 76-мм полковых пушек, восьмидесяти девяти 82-мм минометов, тридцати восьми

120-мм минометов, двадцати четырех 76-мм дивизионных пушек, двенадцати 122-мм гаубиц и двенадцати САУ СУ-76М (для дивизий с ОСАД). На первый взгляд артиллерия дивизии 1945 г. вызывает устойчивое чувство дежавю с 1941 г. Точно так же в стрелковой дивизии были гаубичный и пушечный артиллерийские полки. К ним прибавился минометный полк. Однако в отличие от 1941 г. 152-мм гаубицы в штате артиллерии дивизии 1945 г. отсутствуют. Разделение на полк механической и гужевой тяги также отсутствовало. Однако вместо этого над гаубичным, пушечным и минометным полками в 1945 г. присутствовала управленческая надстройка – штаб артиллерийской бригады. Это существенно повышало уровень управления артиллерией за счет того, что в штабе бригады были радиостанции для связи с полками. Следует отметить, что помимо минометного полка 120-мм минометы присутствовали в каждом стрелковом полку. Также на уровне полковой артиллерии использовались 57-мм противотанковые пушки.

Обычная стрелковая дивизия имела схожую с гвардейской стрелковой дивизией организационную структуру, но незначительно отличалась от нее по численности. По штату № 05/40 в стрелковой дивизии было 11 780 человек (1135 офицеров, 3098 сержантов, 7547 рядовых), 1196 лошадей (55 верховых, 387 артиллерийских, 754 обозных), 437 автомобилей (15 легковых, 313 грузовых, 32 специальных, 77 автотягачей). Стрелковый полк штата № 05/41 обычной стрелковой дивизии насчитывал 2389 человек (182 офицера, 687 сержантов и 1520 рядовых). Точно так же в каждом стрелковом полку было две роты автоматчиков. Стрелковые батальоны имели численность 555 человек при численности стрелковых рот 104 человека. Разница между гвардейской и обычной стрелковыми дивизиями была в численности взвода. В гвардии он насчитывал 41 человека, а обычный – 28 человек.

Помимо советских стрелковых дивизий в боях на территории Германии участвовали пехотные дивизии двух армий Войска Польского. В целом польские пехотные соединения воспроизводили структуру стрелковой дивизии Красной Армии. Всего по штату в польской пехотной дивизии насчитывалось 11 465 человек, в том числе 1252 офицера, 3257 сержантов (подофицеров) и 6956 рядовых. Все вооружение польских дивизий было советского образца. Также они получали боевую и вспомогательную технику, поступающую в СССР по программе ленд-лиза. В среднем польские дивизии имели лучшую укомплектованность личным составом, чем советские стрелковые дивизии. Однако бичом пехотных дивизий армии Войска Польского была нехватка офицерского состава.

Если в строительстве танковых войск Красной Армии отчетливо прослеживаются следы копирования иностранного опыта, то артиллерийские соединения, напротив, были «визитной карточкой» советского военного строительства. Исключение из штата стрелковой дивизии в июле 1941 г. 152-мм гаубиц и ликвидация корпусного звена привели к появлению большого количества отдельных артиллерийских частей. Полки обычной и противотанковой артиллерии подчинялись напрямую армиям и фронтам. Следующим шагом стало укрупнение форм организации артиллерии. В конце октября и начале ноября 1942 г. началось формирование артиллерийских дивизий РГК. Они объединяли под одним управлением несколько гаубичных, пушечных и истребительно-противотанковых артиллерийских полков, дивизион артиллерийской разведки и корректировочную эскадрилью. 6 декабря 1942 г. по постановлению Государственного комитета обороны № ГОКО-2428сс в артиллерийские дивизии было введено бригадное звено, объединявшее артиллерийские полки в бригады.

Бригадное звено управления существовало и вне артиллерийских дивизий. В частности, постановлением ГОКО-3248сс от 23 апреля 1943 г. были сформированы десять истребительно-противотанковых бригад РГК. Каждая бригада включала два истребительно-противотанковых артиллерийских полка 76-мм пушек (по 20 орудий) и один истребительно-противотанковый артиллерийский полк 45-мм пушек (20 орудий).

В 1943 г. был сделан следующий шаг – артиллерийские дивизии были объединены в корпуса. Всего в артиллерийской дивизии на тот момент по штату должно было быть 244 орудия и 108 минометов. Штатно корпус состоял из двух артиллерийских дивизий прорыва и одной гвардейской минометной дивизии.

На 1 января 1945 г. в действующей армии насчитывалось 7 артиллерийских корпусов прорыва, 33 артиллерийские и 5 минометных дивизий. Всего в Красной Армии было на тот момент 10 артиллерийских корпусов прорыва, 37 артиллерийских и 7 гвардейских минометных дивизий.

Силы и средства: 1-й Белорусский фронт

С того момента, как передовые отряды нескольких армий 1-го Белорусского фронта захватили плацдармы на Одере в 70 км от Берлина, до начала Берлинской операции прошло два с половиной месяца. У немцев было более чем достаточно времени на построение обороны на подступах к Берлину и сосредоточение на одерском фронте переброшенных с других участков дивизий. Но время, потраченное на устранение фланговых угроз, не было потеряно впустую. Те армии, которые в феврале 1945 г. стояли фронтом на север, защищая фланг, теперь можно было использовать на направлении главного удара. Также в результате Восточно-Померанской операции высвободились и в итоге участвовали в битве за Берлин целых четыре армии – 2-й Белорусский фронт К.К. Рокоссовского. Им был доверен участок от Штеттина до Балтийского моря.

По большому счету общий результат борьбы февраля – марта 1945 г. был в пользу советских войск. В пассиве было потерянное время, в активе – разгромленные дивизии немецких 3-й танковой и 2-й армий. Те соединения, которые группа армий «Висла» могла раньше рокировать под Берлин, были частью уничтожены, частью пленены, частью оставались в устье Вислы в «лагере вооруженных военнопленных». В сущности, советским командованием был реализован на практике принцип «бить противника по частям». Теперь пришел черед 9-й армии.

В итоге мартовских боев и последовавшей за ними перегруппировки прочность строившейся на одерском фронте обороны должны были проверить 70 стрелковых дивизий, сосредоточившихся на довольно узком 172-км фронте. Из них 36 дивизий было сконцентрировано на 41-км фронте на направлении главного удара.

Ключевую роль в предстоящей операции должны были сыграть танковые армии 1-го Белорусского фронта. От эффективности их действий во многом зависело, станет ли одерский фронт мясорубкой наподобие Ржева или же советские части ворвутся на улицы Берлина. Бросок от Вислы до Одера и напряженные бои на флангах неизбежно привели к существенному снижению числа боеготовых боевых машин в обеих танковых армиях 1-го Белорусского фронта. Помимо боевых потерь танки элементарно изнашивались. Для нового сражения требовалось пополнение. 1-я гв. танковая армия М.Е. Катукова получила на доукомплектование до начала Берлинской операции 200 танков Т-34–85, 43 ИС-2, 20 ИСУ-122, 27 СУ-100 и 21 СУ-76. Из числа танков первоначального состава армии к дальнейшей эксплуатации после ремонта было допущено всего 92 Т-34–85, 14 СУ-85 и 18 СУ-76. К 14 апреля 1945 г. в составе 1-й гв. танковой армии насчитывалось 292 Т-34–85, 42 ИС-2, 21 ИСУ-122, 14 СУ-85, 27 СУ-100, 39 СУ-76 и 70 СУ-57[43]

[43] ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3067, д. 91, л. 86.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.